PG 3337
.P82N5
1860z

N. Potiekhin.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class PGR 2065

Book .N

YUDIN COLLECTION

Помолись за людей, недовольныхъ судьбой,
За больныхъ, за калѣкъ, за скитальцевъ безродныхъ;
Помолись за людей, измозженныхъ тюрьмой,
И за тѣхъ, кто добру учитъ въ школахъ народныхъ.

Помолись, наконецъ, за людей всей земли
И за тѣхъ бѣдняковъ, что не въ силахъ молиться—
Чтобы жизнью земной насладиться могли
И кончины своей перестали страшиться.

Да освѣтитъ нашъ міръ—міръ печали, труда
Солнце правды, ума и любви безконечной!
Да исчезнутъ, какъ дымъ—зависть, злоба, вражда
Передъ свѣтомъ благимъ, свѣтомъ истины вѣчной!

И молилось дитя, осѣняясь крестомъ...
По горѣвшимъ глазамъ и румянцу живому
Кто-бъ не понялъ тогда, что моленью святому
Отголосокъ звучалъ въ этомъ сердцѣ простомъ.

Ольга Охтенская.

Rybkin, Nikolai Antipovich

Germetskii khvost.

НѢМЕЦКІЙ ХВОСТЪ.

(КАРТИНКИ НРАВОВЪ.)

«Жестокіе, сударь, нравы въ нашемъ городѣ!..»
Островскій.

По немощеннымъ улицамъ россійскаго Манчестера, фабричнаго города Рязанова-Воскресенска, съ ранняго утра бродятъ толпы празднично разодѣтыхъ фабричныхъ. Вмѣсто обычнаго тяжелаго оханья и пронзительнаго свиста паровиковъ, воздухъ оглашается громкими пѣснями подгулявшей молодежи, съ акомпаниментомъ неизбѣжной гармоники. Повсюду раздается то веселый, полупьяный смѣхъ, то крѣпкая ругань. Визжатъ дверные блоки разныхъ „ресторацій", „ресторантовъ", „распивочно и на выносъ", какъ-бы привѣтствуя входящихъ гостей и издѣваясь надъ тѣми, кто спозаранку пишетъ *мыслете.* Въ этой толпѣ, гдѣ перемѣшались сѣрые армяки, синія чуйки, лисьи шубы, полушубки, зипуны, женскіе шугаи, встрѣтишь не одинъ десятокъ физіономій, украшенныхъ синими фонарями. Черезъ каждые двадцать-тридцать шаговъ по разломанному и обмерзлому тротуару главной улицы наткнешься на человѣка, который въ борьбѣ съ хмѣлемъ потерялъ способность двуногаго и еле-еле, чуть не на четвереньках, тащится около забора. Нерѣдко приходится услышать и казенный крикъ „караулъ", нисколько не волнующій толпу, какъ явленіе обыденное и знакомое. А вотъ и даровой народный спектакль подъ открытымъ небомъ: два дюжихъ фабричныхъ парня, съ искаженными, окровавленными лицами, вцѣпились другъ другу въ волосы и катаются въ борьбѣ по грязному снѣгу городской площади. Въ плотный кружокъ сомкнулись до-

вольные зрители, созерцающіе единоборство россійскихъ гладіаторовъ. „Ванюха, не выдай своихъ! Подъ микитки-то его! Подъ девятое ребро норови! Важно, ловко. Ха, ха, ха!“ „А ты, Серега, зубомъ-то, зубомъ-то его!“ ободряетъ публика. И летятъ лоскутья новой александрійской рубахи Ванюхи и трещитъ богатырская грудь Сереги подъ могучимъ кулакомъ противника. То-ли не спектакль для народа, празднующаго широкую масляницу, семикову племянницу, тридцати братьевъ сестру, сорока бабушекъ внучку, трехматерину дочку, ненасытную объѣдуху, всякихъ денегъ побируху!.. Воздухъ переполненъ людскимъ говоромъ, смѣхомъ, бранью, пѣснями, проклятіями. Послѣ полудня въ уличномъ весельѣ принимаетъ участіе городская финансовая аристократія. Отворяются постоянно запертые на замокъ ворота каменныхъ палатъ именитыхъ фабрикантовъ и на откормленныхъ коняхъ, въ лаковыхъ саняхъ, въ тысячныхъ шубахъ и салопахъ выѣзжаютъ „на проѣздку въ кругъ“ хозяева съ своими женами и чадами. Развѣ одно московское Подновинское поспоритъ богатствомъ выѣзда здѣшнихъ капиталистовъ. Тысячные рысаки, золоченая сбруя, кучера съ аршинными бородами, яркія, разноцвѣтныя шелковыя сѣтки; сдобныя купчихи, нарумяненныя и насурмленныя, то въ синихъ, то гранатныхъ бархатныхъ на соболяхъ шубахъ, въ шляпкахъ съ неизбѣжными страусовыми перьями, неподвижно, съ безсмысленно-самодовольными улыбками возсѣдаютъ по правую руку своихъ тяжеловѣсныхъ супруговъ, которые, закутавшись въ ильки и бобры, хранятъ степенное молчаніе. Всѣ сани изъ разныхъ улицъ направляются на площадь, гдѣ образуютъ кругъ, и медленно, шагъ за шагомъ, двигаются неразрывной вереницей. Сидящіе въ саняхъ хранятъ гробовое молчаніе, въ силу того, что они выѣхали не для личнаго удовольствія, а для того, чтобъ себя показать; за то глазѣющая на нихъ толпа безустанно судитъ, рядитъ и споритъ. Вотъ въѣзжаетъ въ кругъ первый рязановскій богачъ, фабрикантъ Лекаревъ. Разступился сѣрый народъ, далъ дорогу „хозяину“, шапки мигомъ снялись съ головъ, посыпались поклоны въ поясъ, раздались привѣтствія: „Кузьмѣ Терентьичу, съ широкой масляной. Дай Богъ весело встрѣтить, счастливо проводить. Съ праздникомъ, ваше степенство!“ И нехотя, гордо приподнимаетъ соболью шапку „хозяинъ“, отвѣчая на привѣтъ разныхъ шубъ и чуекъ.

PG3337 .P82 N5 1860z
LD Jun. 28 - 1974

— Ну, ужь и кони у Кузьмы Терентьича, обращаясь къ сосѣду говоритъ отрепанный фабричный:—одно слово—печь! Ишь идутъ, ногами-то словно сѣкутъ и рубятъ и въ полонъ берутъ! Ну-у, пара! Тыщи, надо полагать, двѣ далъ!

— Эко дѣло, двѣ тыщи! восклицаетъ сосѣдъ.—Ему, толстобрюхому, тыщи двѣ все одно, что мнѣ семитка. Ишь, идолъ какой сидитъ! Гладкій чортъ! Экъ его расперло — идола!

— Полно тебѣ, прерываетъ его вслушавшійся въ разговоръ старичекъ.—Кузьма Терентьичъ наши благодѣтели, отцы. Сколько они богадѣльневъ этихъ понадѣлали. Опять-же фабрики ихъ: можетъ, отъ нихъ тыщи народу кормятся. Опять теперь купполъ на соборѣ кто озолотилъ? А ты сичасъ про нихъ такія слова: идолъ, чортъ! Не хорошо...

— Ладно! Толкуй больной съ подлекаремъ! Слыхали мы это. Хороши благодѣтели! Подемъ, Петрей, раздавимъ косушку! недовольно обрываетъ старика пессимистъ-фабричный и, взявши подъ руку сосѣда, удаляется изъ толпы, напѣвая фальцетомъ:

Не сама машина ходитъ,
Паровикъ машину возитъ...

— Глянь, глянь! Тюшиха-то! Ахъ, ты Боже милостивый! восклицаетъ одна мѣщанка, толкая подъ бокъ другую и указывая на толстую купчиху, точно приросшую къ дорогимъ санямъ.— Ишь, какъ ее раскатило, голубушку: замужъ-то выходила—щепка-щепкой, а теперь нако-ся, а?

— Чего дивиться? Знамо, день-деньской валяется на пуховикахъ, ѣстъ-пьетъ сладко, заботушки никакой—съ чего похудѣть! опять-же замужемъ, въ законѣ; ну, тѣла-то нагуляла.

— Такъ-такъ, что говоритъ. Ихъ-ли не жисть! согласилась первая мѣщанка;—а вотъ подишь-ты—не даетъ имъ Богъ дѣтокъ-то.

— Это, матка, съ жиру. Жиръ-то ихъ больно осилилъ, оттого и дѣтокъ нѣтъ.

— Развѣ, что съ жиру! а то живутъ въ законѣ, словно сичасъ повѣнчанные.

Раздается звонъ къ вечернѣ. Сани оставляютъ площадь и улицы; просторъ пѣшеходамъ. Отворенные ворота, принявъ въ

свои нѣдра вернувшихся хозяевъ, запираются на замокъ; все, не-носящее чуйки и сермяги, прячется въ домахъ. За то фабричные гуляютъ всласть: говоръ, крики, пѣсни усиливаются на площади, сливаясь съ звуками гармоніи, бубна; гулъ, стонъ и ревъ стоятъ въ воздухѣ. Но вотъ мигнула надъ краемъ горизонта вечерняя звѣзда, за ней выкатилась незамѣтно другая, третья,—сумерки спадали на землю. Народъ мало-по-малу началъ расходиться съ площади по кабакамъ и трактирамъ, которые заманивали гулящій людъ вереницей освѣщенныхъ оконъ съ мелькавшими въ нихъ фигурами шмыгавшихъ половыхъ и сидящихъ гостей.

— Теперь, братцы, обращается на площади къ кучкѣ фабричныхъ рослый, кривоглазый мужчина въ черномъ помятомъ цилиндрѣ и длиннополомъ, чуть не до пятъ, ватномъ пальто,— сдѣлаемъ полнымъ ходомъ променажъ до „Комерческой“, а тамъ и закантуемъ.

— Ходитъ! отзываются разомъ нѣсколько голосовъ изъ кучки.

— А коли ходитъ, стройся, ребята, какъ слѣдуетъ и вали въ „Темномъ лѣсѣ“! командуетъ пальто.

Человѣкъ тридцать фабричныхъ берутся за руки, человѣкъ по шести, и становятся шеренгами.

— Ты, Васька Дунда, верхъ бери соразмѣрно, не во всю глотку, а то прошлую обѣдню гаркнулъ — всю „Достойную“ испортилъ.

— Я, Викентій Петровичъ, будьте покойны, ужь соразмѣрно! откашливаясь въ кулакъ, отзывается хриплымъ басомъ чуйка.

— Октавы выдерживать, тенора выводить! Ну, слушайте: я задамъ тонъ. До, соль, ми, до! на распѣвъ тонируетъ пальто, вынувъ изъ кармана камертонъ и прикусивъ его крѣпко зубами.

— По третьему начинать. Разъ, два, три!

И съ третьимъ взмахомъ руки раздается довольно стройно, хоть и съ оттѣнкомъ духовнаго пѣнія, любимая семинарская пѣсня:

«Въ темномъ лѣсѣ,
За лѣсью
Распашу я
Пашеньку».

Пѣвчіе стройно, рядами, шагъ за шагомъ выступаютъ по са-

мой срединѣ главной, опустѣвшей улицы. На тротуары изъ калитокъ прилегающихъ домовъ, заслышавъ пѣніе, выбѣгаютъ горничныя, лакеи, кучера, кухарки и вообще вся купеческая челядь.

— Складно поютъ! замѣчаетъ у однихъ воротъ кучеръ лакею,—и ежели-бы нашимъ фабричнымъ настоящее обученье да практика—архирейскихъ пѣвчихъ за поясъ заткнули-бы,—право-бы, заткнули. Какъ ваше мнѣніе?

— Своя охота, потому! глубокомысленно отзывается лакей, вынимая изо рта окурокъ сигары.—Ну, и регентъ у нихъ дока! Возьмите одно—восемь лѣтъ архирейскимъ хоромъ заправлялъ; въ Петербургъ хотѣли перевести, да очень зашибаетъ и во хмѣлю неспокоенъ, и сейчасъ, ежели что противъ него, по сусаламъ. Представьте, кому пріятно?

— Да, ежели, къ примѣру, по сусаламъ—сладости особой нѣтъ! подтверждаетъ кучеръ.

— Вотъ коли ежели отъ васъ, Капитолина Семеновна, послѣдуетъ рѣшеніе моей судьбы, безпремѣнно на вѣнчанье приглашу Викентія Петровича съ хоромъ! у калитки противоположнаго дома напѣваетъ курносой горничной бойкій прикащикъ.

— Ишь что, глядя на великій постъ, выдумываете! кокетничаетъ горничная.

— Подъ красную горку будетъ въ самый разъ повѣнчаться съ этакой кралей,—разлюбезное дѣло! разсыпается молодецъ и какъ-бы нечаянно обнимаетъ ее.

— Ну, ну-у! съ силой отталкивая отъ себя, говоритъ горничная:—рукамъ-то воли не давай! Знаю сама, что краля, да не твоя. Даромъ-то проѣдаться нечего, поищи таковскихъ! А вотъ женись—и цѣлуй вволю, сама тогда поцѣлую! юркнувъ въ калитку и шумя накрахмаленными юбками на-ходу, прибавляетъ она.

— Не дѣвка, а чортъ! замѣчаетъ молодецъ своему товарищу, сидящему на лавочкѣ около воротъ.—Одно слово, сѣрная спичка! Кажись, только вотъ чиркнуть—такъ вся и спыхнетъ-загорится.

— Ну васъ! Не мѣшай, слушай! Ишь, какъ голосами-то выводятъ, словно струменты! Ахъ, волкъ васъ зарѣжь, какъ поютъ! восклицаетъ съ восторгомъ сидящій, увлекшись пѣніемъ фабричныхъ.

Гдѣ-то вдали слышится звонъ колокольчиковъ и бубенцовъ,

нестройныя гиканья и взвизгиванья; звуки эти то какъ-будто замираютъ, то приближаются; но вотъ они становятся явственнѣе; отчетливо раздается хлясъ и топотъ летящихъ въ карьеръ лошадей и черезъ нѣсколько минутъ въ концѣ улицы, съ площади, врываются маршъ-маршемъ двѣ тройки въ пошевняхъ, гремя наборной сбруей, колокольцами и бубенцами.

— Поди, задавлю! горланитъ ямщикъ первой тройки, стоя въ пошевняхъ.

— Жги, дѣ-ѣ-лай! вторятъ ему въ одинъ голосъ полупьяные купеческіе сынки, сидящіе въ пошевняхъ вмѣстѣ съ мѣстными Аспазіями.

— Ой, други, съ горки на горку—купецъ дастъ на водку! Не дастъ на водку—перерву глотку! остритъ отчаянно возница, ободряя взмыленную тройку.

— Ахъ, вывалятъ! Ахъ-а-ахъ! визжитъ прекрасный полъ.

— Дави всѣхъ! За всѣхъ плачу! Всѣхъ куплю и выкуплю, похваляется на переднихъ саняхъ безобразникъ купецкій сынъ.

Все, что было живого на улицѣ, кинулось въ сторону, на тротуаръ, и очистило дорогу; хоръ фабричныхъ, не переставая пѣть также остановился около тротуара.

— Стой, ямщикъ! раздался повелительно полупьяный голосъ съ первой тройки, лишь только она поровнялась съ хоромъ

Ямщикъ осадилъ лошадей, хоръ смолкъ.

— Что за народъ? Почему такое? По какому праву? коснѣющимъ языкомъ, поднявшись въ пошевняхъ на ноги, спрашивалъ остановившихся фабричныхъ молодой купецъ Сажевъ. Фабричные молчали.—Кто можетъ мнѣ не отвѣчать? Почему такое? По какому праву? А-а, это ты, Петровичъ! обратился онъ къ регенту.—Поди сюда!—Регентъ подошелъ, снявши шляпу.—По какому такому закону ты здѣсь поешь, почему такое? Отвѣчай! грозно допрашивалъ безобразникъ.

— Ивану Федоровичу мое всенижайшее! Да вотъ для препровожденія собственно свободнаго времени съ своимъ хоромъ разные свѣтскіе канты распѣваемъ.

— А почему такое? По какой статьѣ закона? Хочешь къ мировому? Ежели безъ разрѣшенія, насчетъ благочинія?.. Почему такое, можешь мнѣ отвѣчать?

— Иванъ Федоровичъ, Ваня, оставь! Сядь, оставь! уговари-

вали спутники и спутницы расходившагося Сажева. — Брось; на улицѣ—безобразно!

— Молчать, кто можетъ мнѣ заказать? Всѣхъ могу купить и выкупить. Куда хочешь уйти отъ меня? закричалъ безобразникъ, видя, что регентъ отходитъ отъ саней.—Во фрунтъ передо мной! все равно, что свѣча передъ образомъ. Кто у тебя пѣвчіе? Мои фабричные. Я имъ замѣсто отца. Почему такое? Хочешь, сейчасъ тебя на весь вѣкъ несчастнымъ сдѣлаю, а?

— Ваня, брось! Иванъ Федоровичъ, кинь, оставь! уговаривали товарищи.

— Молчать! Робята, крикнулъ Сажевъ къ пѣвчимъ,—вали сюда. Ну, разъ два! у меня чтобъ скоро, по-военному.—Фабричные окружили сани.—Кто мной недоволенъ, а? Говори. Не есть-ли я моимъ фабричнымъ отецъ и благодѣтель? Почему такое? а... ну, говори!

— Много довольны вашей милостью, Иванъ Федоровичъ! съ поклонами отозвались пѣвчіе, зная безобразный нравъ своего хозяина.

— Слышишь? обратился послѣдній къ регенту.—Я имъ благодѣтель, замѣсто отца. И тебя могу сейчасъ осчастливить. Хочешь, сейчасъ сто серебра, радужную получить? Потому въ заслугу тебѣ, что при нашей фабрикѣ оркестръ пѣвчихъ смастерилъ... Валяй мнѣ многолѣтіе... и сейчасъ, чтобы хоромъ: мно-о-огая, мно-о-о-гая, мно-о-гая лѣта! Понялъ?

— Ваня, не горлань... брось, оставь! Уйдите, Петровичъ, просили товарищи.

— Молчать, не смѣть уходить!.. Во фрунтъ!.. Вотъ тебѣ сто цѣлковыхъ, вали многолѣтіе, дѣвствуй!—Сажевъ вынулъ изъ бумажника сторублевую кредитку и подалъ регенту.—Получи на весь хоръ, сажай!

— Иванъ Федоровичъ, я всей душой, только чтобъ начальство... потому сами разочтите, на улицѣ... мялся регентъ.

— Молчать!.. Со мной не разговаривать... Почему такое?.. Дѣвствуй... твоя вся въ этомъ обвязанность.

— Что братцы, а? вопросительно оглянулъ хоръ регентъ.

— Вали, Викентій Петровичъ... Чего трусить!.. Вѣдь это не грабежъ какой... Уважь ихъ степенство! говорили пѣвчіе.

— Изволь, Иванъ Федоровичъ!.. Ежели-же по начальству что, ты заступись.

— Молчать! перебилъ регента Сажевъ.—Можешь ты мнѣ это говорить? Кто я? Почему такое? Всѣхъ куплю и выкуплю... Вопи!.. Разъ, два...

Регентъ откашлялся и стогны Рязанова-Воскресенска огласились звуками его зычнаго голоса.

„Потомственному почетному гражданину и кавалеру, первой гильдіи купцу Іоанну Федоровичу Сажеву, многая лѣта!“ прогорланилъ во всю свою широкую пасть Викентій Петровичъ; хоръ, что было силы, подхватилъ многолѣтіе.

— Урви, унеси, дѣ-ѣ-лай!! словно бѣшеный вскричалъ Сажевъ. Ямщикъ гикнулъ, тронулъ по всѣмъ по тремъ и тройки ринулись съ мѣста въ карьеръ; вслѣдъ имъ неслось окончаніе многолѣтія...

— Вотъ, братцы, Богъ на шапку послалъ! проговорилъ весело регентъ, обращаясь къ своему хору.—Теперь всѣ разомъ въ „Комерческую“—закантуемъ на всю ночь. Ну-ко, отрадную хватимъ:

Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, пролетитъ.
Намъ все въ поднебесной
Измѣной грозитъ...

зычно началъ регентъ —

— Лови, лови часы любви,
Доколь любовь горитъ въ крови!

дружно подхватилъ хоръ и вся ватага пѣвчихъ-любителей ускореннымъ шагомъ двинулась къ „комерческой“ гостиницѣ.

— Ишь, оглашенные!.. прости меня Господи... проговорила старуха салопница, испуганная гиканьемъ промчавшихся троекъ и завываньемъ хора. Ѣдутъ сломя голову, словно окаянные... Долго-ли до грѣха—задавятъ живого человѣка.

— Да чьихъ они будутъ? спросила ее спутница, также старуха салопница.

— Сажевскихъ, матка, фабрикантовъ, сажевскихъ. Самъ-то, Федоръ Борисычъ, о зимнемъ Миколѣ померъ, все имѣніе одному сыну предоставилъ. Достатки ихъ извѣстные: три фабрики, домовъ что—все ему досталось. Сказываютъ, денегъ мельёновъ ѣсколько у старика было припрятано: недѣлю изо-дня въ день считали — сосчитать не могли. Какъ завидѣлъ, матка, сынъ-то, что всѣ эти мельёны его, такъ и вдарился въ фанаберію. Сичасъ пятьдесятъ тыщъ предоставилъ въ пріюту; ему за это изъ Питера органъ прислали. Вывѣсилъ онъ на себѣ этотъ органъ, такъ изъ своего ума и вышелъ: жену до себя не допущаетъ—я, говоритъ, теперь при кавалеріи, а ты, лабазница, срамишь меня, потому какъ есть баба безъ обхожденія. Самъ пьетъ безъ просыпу и никто съ нимъ не смѣй говорить: я-де всѣхъ куплю и выкуплю и больше меня во всемъ свѣтѣ человѣка нѣтъ.

— Эки дѣла, эки дѣла!.. Ну, а хозяйка что?

— Извѣстно—съ тѣла спала, ходитъ притомонная такая, изъ лица желтая, словно алимонъ. А онъ-то по *прощеннымъ днямъ*, словно, прости Господи, Мамай какой, подобралъ шайку, ѣздитъ по городу да безобразничаетъ. Ономнясь надъ Степаномъ Степанычемъ, слышала, какую надсмѣшку сдѣлали?

— Не слыхивала; разскажи, матка, разскажи, Тихоновна.

— Извѣстно, Степанъ Степанычъ человѣкъ степенный, разсудительный, вдовецъ, соблюдаетъ себя по старой вѣрѣ въ точности и живетъ въ своемъ домѣ, словно архирей честной. Объ Рождествѣ пришелъ онъ къ сажевской-то хозяйкѣ,—племянницей она ему доводится,—въ гости. Ладно, хорошо. Началъ онъ выговаривать самому ему, что-де не слѣдъ такъ безобразничать, не по закону жить; ну, и пощунялъ его таки-порр-рядочно. А Ванька-то слушаетъ увѣщанья-то его, да помолча вздохнетъ, а хозяйка глазъ не осушаетъ—плачитъ, что рѣка льется.

— Пла-а-читъ? сочувственно переспросила слушательница.

— Пла-а-читъ. Вотъ щунялъ, щунялъ его Степанъ Степанычъ, да вдругъ и спрашиваетъ: чувствуешь-ли ты, молъ, Иванъ Федорычъ, въ какую геенну огненную свою душеньку уготоваешь? Да и пошелъ все отъ божественнаго, все отъ божественнаго говорить... Сичасъ послѣ этихъ божественныхъ словъ Ванька-то Сажевъ ему въ ноги: дяденька, говоритъ, виноватъ, простите меня окаяннаго, чувствую... больше не буду! Ну, и сталъ

у нихъ миръ да согласіе, перецѣловались всѣ и на радостяхъ угощенье пошло. Посидѣли они все какъ слѣдуетъ, честь-честью, только Ванька-то и проситъ Степана Степаныча въ свои покои, чтобъ пріятелямъ, которые къ нему пришли, здравоученье сказать. Ужь поздненько было; распростился старичекъ съ хозяйкой,—та спать пошла,—и побрёлъ въ ванькины покои. Ну, знаешь, матка, лестно ему на старости лѣтъ здравоученье молодымъ людямъ сдѣлать. Пришелъ; а ужь тамъ мурины-то сажевскіе сидятъ: три брата Горѣловы, Мазуркинъ Сережка и васютинскій племяшъ,—народъ все—уксусъ!.. Какъ вошелъ, всѣ старичку въ поясъ. Усадили его на первое мѣсто и сталъ онъ ихъ отъ божественнаго учить, изъ святыхъ книгъ. Слушаютъ они его, много-ли, мало-ли, съ умиленіемъ, а сами его все пуншитомъ поштуютъ. Поштовали, поштовали да и запоштовали—старичекъ-то и ослабъ. Сказываютъ, въ стаканъ-то ему какую-то сонную каплю впустили. Складу у старичка въ рѣчахъ нѣтъ, хочетъ подняться—ноженьки не служатъ; головушку на столъ опустилъ и захрапѣлъ.

— За-а-хра-а-пѣлъ? всплеснувши руками, взвизгиваетъ собесѣдница.

— Да-а, пріуснулъ. Какъ только они увидѣли, что сонная капля подѣйствовала, загогойкали, съ мѣстовъ повскакали и въ ладоши забили. „Ну, братцы, кричитъ Ванька Сажевъ,—теперь онъ нашъ! Надо ему такую замѣтку положить, чтобъ онъ во всю жизнь здравоученьевъ этакихъ не дѣлалъ. Вали,—говоритъ,—его на диванъ“. Положили его на диванъ, сбрили бороду, усы, одѣли въ кринолинъ и женское платье; Мазуркинъ сейчасъ къ цирюльнику съѣздилъ, купилъ румянъ, бѣлилъ, шиньонъ модный; набѣлили старичка, нарумянили, шиньонъ на голову накололи, шляпку какъ есть модную надѣли, закутали въ шубу да и отвезли вечеромъ поздно, чуть не въ полночь, домой. Привезли его да прямо у воротъ и оставили. Дворники къ утру смотрятъ—лежитъ у воротъ никакая барыня. Глядь-поглядь—хозяинъ. Внесли его въ моленную, чтобъ домашнихъ не испугать, и положили его на диванъ. Дворники-то диву-дивуются, что за оказія такая; дотронуться-то, чтобъ раздѣть-то его, боятся. Проснулся онъ черезъ нѣсколько времени и какъ увидѣлъ себя въ этомъ одѣяніи, такъ даже затрясся весь, вскрикнулъ и словно обезумѣлъ.

Сошлись всѣ домашніе, рёвомъ ревутъ, смотрятъ, что будетъ, а онъ сидитъ въ этомъ одѣяніи, словно истуканъ каменный, только глазами вокругъ поводитъ, а съ себя не снимаетъ. Начали его спрашивать, а онъ только губами шевелитъ, а голосу нѣтъ. Завопили домашніе въ два голоса. Раздѣли его и уложили въ постель. Съ той самой поры сдѣлался старичекъ словно грудной младенецъ: изъ дому не выходитъ, ни съ кѣмъ не говоритъ, ѣсть-пить не проситъ: дадутъ—ладно, не дадутъ—и такъ пройдетъ. Звали бабку-лекарку; ну, пошептала надъ нимъ, съ уголька вспрыснула и велѣла ждать, когда борода отростетъ. Съ нимъ, говоритъ, *младенческая;* кропите по зарямъ богоявленской водой да на ночь роснымъ ладономъ окуривайте; какъ борода отростетъ, такъ и болѣзнь вся пройдетъ. Борода порядочно отросла, а все еще старичекъ въ языкѣ не твердъ и въ полный разумъ взойти не можетъ. Сказываютъ, въ Москву за ихнимъ попомъ послали,—есть у нихъ особенный такой—*отчитываетъ;* куфарка ихняя сказывала, ужь коли, говоритъ, этотъ попъ не поможетъ, придется Степану Степанычу въ маломъ умѣ свой вѣкъ кончить.

— Грѣхи!.. восклицаетъ слушательница, остановившись около перекрестка.—Истинно, что послѣднія времена настали! прибавляетъ она со вздохомъ.

— Что говорить!.. Ну-ко, прости, Спиридоновна; закалякалась я съ тобой; дома-то не достучишься.

Кумушки разцѣловались. Тихоновна повернула за уголъ, Спиридоновна поплелась-было вправо, но вдругъ круто повернула назадъ, мелкой рысцой добѣжала до угла и начала кликать пріятельницу.

— Тихоновна, подь-ко сюда, подь!.. Вернись!

— Асиньки! откликнулась Тихоновна. Кумушки вновь сошлись на углу.

— Слышала, у Саввы-то Антипыча дѣла?.. Удивленья достойно!.. Ужь вѣдь можно про него было сказать—столбъ купечеству, всему городу краса... Отъ законной-то жены полюбовницу завелъ.

— Вотъ-те сказъ!.. Не слыхивала... Давно-ли?.. Ахъ, мои батюшки, сѣдой пёсъ, въ гробъ смотритъ, а на какія дѣла пошелъ! Давно-ли, матка?

— Да передъ самымъ праздникомъ, не-то за двѣ, не-то за три недѣли. Ѣздилъ онъ въ Питеръ, оттуда съ собой ее и привезъ.

— Съ со-о-бой?!. Враки, ни въ жизть не повѣрю! Не таковскій онъ человѣкъ, чтобъ на весь честной міръ срамиться сталъ. Онъ мужикъ хитрый! Ужь коли-бы и пошелъ на это, такъ, по крайности, въ секретѣ держалъ, чтобъ политику соблюсти.

— Да онъ политику-то соблюдаетъ... Показываетъ ее, напримѣръ, какъ-бы губернанку къ дочерямъ привезъ, а ужь какая тутъ губернанка—по первому виду во всѣхъ статьяхъ вавилонская блудница, что на паперти соборной нарисована.

— Ахъ ты пакость, пакость!.. Изъ какихъ она будетъ?

— Сказываютъ, настоящая француженка, по нашему и не говоритъ.

— Господи помилуй!—Тихоновна перекрестилась. — Седьмой десятокъ на свѣтѣ живу, этакихъ дѣловъ не слыхивала. Ужь можно сказать, что срамамъ-срамъ!.. Ну, пусть-бы русская, а то нате-ка—француженка! Да полно, не враки-ли это?

— Истинно, француженка... Хозяйка-то Саввы Антиповича къ отцу къ матери отъѣхала, потому жить непереносно стало: одинъ соблазнъ да срамота въ домѣ... Вмѣсто дѣвокъ въ прислугѣ позавелъ лакеевъ въ черныхъ фракахъ, да всѣ въ перчаткахъ, безъ бородъ... Она ему разные свои романцы на фортепьянахъ поетъ. Сидитъ, сказываютъ, на диванѣ, сама неглижа, безъ шали, руки выше локтя открытыя, а онъ, старый песъ, по-ихнему-то говорить не умѣетъ, а только, какъ пѣтухъ, ходитъ вокругъ да покеркиваетъ. А коли сказать что надо, такъ падчерицъ-то своихъ, кобылъ, что отъ перваго мужа остались, позоветъ: онѣ, слышь, въ пенсіонѣ были, такъ мастерицы по-французскому-то,—ну, черезъ ихъ и переведетъ той. Въ случаѣ, что въ секретъ передать, ужь онъ больше на перстахъ съ ней объясняетъ. И помора: кажное утро онъ къ ней здоровкаться приходитъ; сичасъ придетъ, ногой шаркнетъ, въ ручку поцѣлуетъ и по-ихнему банжуръ скажетъ.

— Ахъ, пакость, пакость!.. Ну, матка, огорошила ты меня этой повинкой... Жива не буду—сейчасъ къ Зубихѣ побѣгу—она вѣдь у пакостника-то, при прежней хозяйкѣ, въ племянницахъ

жила,—потолкуемъ да наплачемся съ ней досыта. Прости, родная; ужь какъ не поздно, а побѣгу... Такое дѣло!

Кумушки вновь разцѣловались и разошлись.

Темнѣетъ. Къ полуночи погода измѣнилась. По небу медленно ползутъ какія-то дырявыя, рваныя, грязныя тучи; туманъ самовластно охватываетъ улицы и переулки Рязанова; словно раненый звѣрь, съ дикимъ визгомъ проносится холодный вѣтеръ; четырехъ-этажные корпуса фабрикъ, палаты коммерсантовъ и домишки бѣднякевъ обывателей теряютъ свои отдѣльныя очертанія и стушевываются въ одно грязно-темное пятно. На одной изъ фабрикъ часы бьютъ полночь. Сторожа на колокольняхъ, въ свою очередь, бьютъ въ доску и неизвѣстно для кого и для чего зычно и протяжно кричатъ свое обычное: „слушай!“ Фабричная мелкота, неважное чиновничество и хозяйствующее мѣщанство въ этотъ часъ мирно вкушаютъ сонъ, подъ охраной запертыхъ на замокъ воротъ и спущенныхъ съ цѣпей дворовыхъ собакъ. О фабричныхъ тузахъ, придерживающихся *старой вѣры*, и говорить нечего: съ десяти часовъ вечера вся семья отъ мала до велика позѣвываетъ и почесывается, а къ десяти одинъ храпъ и сапъ отъ ихъ грузныхъ тѣлъ, утонувшихъ въ взбитыхъ до потолка пуховикахъ, нарушаетъ могильную тишину ихъ палатъ Состоящіе *въ единовѣріи* хоть и не крѣпко придерживаются порядковъ старовѣрческаго образа жизни, посѣщаютъ знакомыхъ, комерческій клубъ, даже позволяютъ дочерямъ танцовать *кадрели*, но все-таки требуютъ, чтобъ огни въ домѣ были къ полночи потушены и женскій персоналъ семейства находился въ своихъ постеляхъ. На возвращеніе подъ родной кровъ взрослыхъ мужчинъ не въ урочный часъ главы семейства смотрятъ сквозь пальцы и нерѣдко сами встрѣчаютъ бѣлый день въ чужомъ домѣ за азартной трынкой. Маленькому кружку чиновной аристократіи, да оравѣ фабричнаго пролетаріата предоставляется право проводить, какъ и гдѣ имъ заблагоразсудится, тѣ страшные часы ночи, когда шалятъ вѣдьмы и лѣшіе и давятъ истинно-православнаго человѣка домовые. Аристократія, въ лицѣ разныхъ уѣзд-

ныхъ и воинскихъ начальниковъ, мировыхъ судей, казначея, мирового посредника, акцизника, адвокатовъ и нотаріуса съ семействами, устраиваетъ въ своей средѣ по праздникамъ очередныя вечеринки, гдѣ царствуетъ неизбѣжный преферансъ и стуколка для отцовъ и матерей, дядюшекъ и тетушекъ, и разбитое фортепьяно къ услугамъ ногъ ихъ сынковъ, дочерей, племянниковъ и племянницъ. Вечеринка рѣдко оканчивается ранѣе трехъ часовъ ночи и заключается торжественнымъ ужиномъ съ классическими галантирами, бланманже со свѣчкой и разносортными наливками. Вина, а особенно шампанское, являются только въ исключительныхъ случаяхъ—имянинъ, крестинъ, свадебъ, полученія ордена, производства въ слѣдующій чинъ. Фабричный рабочій, если не переступилъ въ девять часовъ вечера калитки фабричныхъ воротъ, уже цѣлую ночь не увидитъ своего логова, потому что хозяева фабрикъ и ихъ наперстники въ этотъ часъ собственноручно замыкаютъ у входовъ тяжелые замки и ключи отъ нихъ хранятъ подъ изголовьями своихъ законныхъ двуспальныхъ кроватей. Только крайняя необходимость заставитъ иногда фабричнаго совершить путешествіе черезъ заборъ, чтобъ достичь своихъ вонючихъ норъ; при этомъ онъ рискуетъ быть замѣченнымъ дворникомъ, а на утро разсчитаннымъ хозяиномъ, что равносильно потерѣ насущнаго куска хлѣба, потому что, по заведенной изстари *круговой*, рабочій, разсчитанный почему-бы то ни было ранѣе условленнаго срока, не можетъ найти работы ни у одного изъ россійско-манчестерскихъ фабрикантовъ. Волей-неволей приходится запоздалому фабричному искать ночного пріюта въ разныхъ „Новыхъ свѣтахъ“, „Завертаяхъ“, „Сегодня на деньги, а завтра въ долгъ“, „Парижахъ“, и „Лиссабонахъ“, попадая туда черезъ задній ходъ, такъ-какъ съ ударомъ двѣнадцати парадные ходы и двери всѣхъ подобныхъ заведеній закрываются до утра. Не пустятъ и здѣсь, бездомникъ отправляется на окраины города, въ тѣ грязные пріюты, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій, гдѣ всю ночь горитъ керосинъ, откуда ежеминутно раздается то визгъ скрипки, то бряцанье фортепьянъ, то надорванный, сиплый женскій голосъ, выводящій верхнія ноты старомоднаго романса: „Кольцо души дѣвицы я въ море обронилъ“, то дребезгъ оконныхъ стеколъ отъ неистоваго трепака подъ акомпаниментъ не менѣе неистовой и пошлой пѣсни:

Хочешь—любишь, хочешь—нѣтъ,
Ни копейки денегъ нѣтъ!..

Ночной мракъ, соединившись съ густымъ туманомъ, охватываетъ со всѣхъ сторонъ Воскресенскъ; онъ нахально набрасывается на десятокъ тусклыхъ масляныхъ фонарей, разставленныхъ на пространствѣ чуть не трехсотъ-саженной главной улицы и силится уничтожить даже эти бѣдные просвѣты на повсемѣстно-черномъ фонѣ картины. Откуда-то издалека сильнымъ порывомъ вѣтра доносится адскій вопль: „дери съ нея и корнолинъ съ куцавейкой!“ Затѣмъ слышится отчаянный крикъ: „батюшки, рѣжутъ!.. караулъ!“ И все это замираетъ въ общемъ гулѣ собачьяго лая, который разносится вѣтромъ и валомъ катится надъ уснувшимъ городомъ. Среди этой кромѣшной тьмы, на самой срединѣ главной улицы, бѣлесоватыми четырехугольниками вырисовываются въ ночномъ чаду ярко освѣщенныя окна дома нашего манчестерскаго Ротшильда—Кузьмы Терентьевича Лекарева. Хоть онъ и состоитъ въ единовѣріи, хоть и не прошло установленнаго срока послѣ смерти его жены, хотя въ образной двѣ дѣвки-читалки денно и ночно гнусливо, на распѣвъ читаютъ псалтырь по покойницѣ, но онъ, въ силу своего общественнаго положенія, не преминулъ, вмѣсто обычнаго на масляницѣ бала съ танцами, дать для мужчинъ вечеръ съ ужиномъ, но безъ музыки.

Несмотря на то, что парадныя комнаты были залиты свѣтомъ лампъ и люстръ, открывая въ настоящемъ величіи все изящество мебели отъ Лизере, роскошь и блескъ бронзы отъ Штанге, дороговизну саженныхъ зеркалъ изъ англійскаго магазина,—были пусты. Начиная отъ гостиной, отдѣланной во вкусѣ Людовика XVI, до дубовой столовой, сіяющей стариннымъ серебромъ въ рѣзныхъ до потолка поставцахъ, можно было встрѣтить однихъ только лакеевъ, приводящихъ въ порядокъ мебель и убирающихъ въ столовой посуду послѣ окончившагося ужина. Это странное явленіе объяснялось очень просто. На вечерѣ у Кузьмы Терентьевича собрался весь городъ къ девяти часамъ; въ половинѣ двѣнадцатаго гостей усадили за ужинъ, окончившійся въ половинѣ перваго, а къ часу ночи гости убрались по своимъ домамъ, зная, что Лекаревъ ложится спать рано, и боясь замедленіемъ вызвать недовольную мину на лицѣ всесильнаго манчестерскаго Ротшильда. Даже независимый мѣстный адвокатъ Переверзинъ, сравнившій

въ своемъ спичѣ за ужиномъ Кузьму Терентьевича почему-то съ Кобденомъ, не посмѣвъ оставаться долѣе другихъ въ палатахъ Лекарева и недопивши отдѣльно поданной послѣ ужина бутылки шампанскаго, пошатываясь сошелъ съ лѣстницы, убранной бархатными коврами. Для непосвященныхъ въ тайны застѣночной жизни рязановскихъ тузовъ-капиталистовъ могло показаться, что вечеръ окончился—всѣ до единаго гости, раскланявшись съ хозяиномъ, выходили въ переднюю, чтобъ облечься въ шубы и направиться къ домамъ; официанты приводили въ порядокъ комнаты, даже швейцаръ на главномъ подъѣздѣ громко хлопнулъ входной дверью, заперъ ее на ключъ и погасилъ висѣвшій фонарь, лишь только послѣдній гость сошелъ съ крыльца; но все это дѣлалось, выражаясь по-купечеству, для одного *блезиру, изъ-подъ политики*, чтобъ разговоровъ лишнихъ въ городѣ не было, а на самомъ дѣлѣ пиръ еще былъ въ „полустолѣ". Тѣ гости, съ которыми Лекаревъ былъ близокъ и которыхъ онъ называлъ *присными по душѣ*, хоть и соблюдали политику, то-есть тотчасъ-же послѣ ужина, въ назиданіе другимъ, благодарили хозяина за хлѣбъ-соль и, раскланявшись съ нимъ какъ-бы взаправду, уходили съ подъѣзда, облекшись въ свои бобры, тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько минутъ опять появлялись въ уединенномъ кабинетѣ Кузьмы Терентьевича, совершенно отдѣленномъ отъ парадныхъ комнатъ. Этотъ фокусъ совершался очень просто, по ранѣе условленному способу. Лишь кто-либо изъ *присныхъ* гостей, приглашенныхъ Лекаревымъ попировать *по душѣ*, простившись послѣ офиціальнаго ужина съ хозяиномъ, сходилъ съ парадпаго крыльца и за нимъ затворялась входная дверь, немедленно поворачивалъ вглубь обширнаго темнаго двора и, прошедши нѣсколько десятковъ шаговъ по каменному тротуару, чуть не ощупью находилъ черную неосвѣщенную лѣстницу, ведшую во второй этажъ. Взобравшись на нее, онъ упирался въ дверь, которую послѣ условнаго числа ударовъ предупредительно отпиралъ наперстникъ хозяина, шестидесятилѣтній прикащикъ Вася, и проводилъ *приснаго* въ недосягаемый для непосвященныхъ кабинетъ. Кабинетъ этотъ, служившій въ обыкновенные дни рабочей комнатой и дѣловой пріемной Кузьмѣ Терентьевичу, представлялъ совершенную противоположность съ парадными покоями. Простота и грязь царили на свободѣ, начиная отъ украшеннаго паутиной потолка до пестраго

отъ облезшей краски пола. Въ простѣнкахъ трехъ оконъ, закрытыхъ внутренними желѣзными ставнями, стоялъ длинный столъ, покрытый когда-то зеленымъ, а теперь потерявшимъ всякій цвѣтъ сукномъ, подъ массой чернильныхъ пятенъ и въѣвшейся пыли. На немъ обыкновенно занимается Лекаревъ счетами и разсчетами по своимъ торговымъ операціямъ, а въ экстренныхъ случаяхъ, какъ и въ описываемый вечеръ, этотъ столъ уставляется цѣлыми батареями самыхъ дорогихъ и тонкихъ винъ отъ Елисѣева, Рауля, Депре. Напротивъ стола красовался очень почтенныхъ размѣровъ несгораемый шкафъ, вдѣланный въ стѣну, гдѣ хранились капиталы хозяина.

Въ красномъ углу, въ аляповатой, покрашенной кіотѣ висѣлъ образъ Нерукотвореннаго Спаса стариннаго письма, въ золотой ризѣ, осыпанной алмазами, рубинами и изумрудами; передъ нимъ теплилась неугасимая лампада. Вдоль побѣленныхъ стѣнъ рядышкомъ стояли дюжины полторы простыхъ плетеныхъ стульевъ; между ними помѣщался неуклюжій, отромный диванъ, извѣстный въ провинціяхъ подъ названіемъ турецкаго, обитый порыжелой и рваной клеенкой. Три раскрытыхъ ломберныхъ стола, съ грязнымъ сукномъ, съ положенными на нихъ нераспечатанными колодами картъ, но безъ щетокъ и мѣлковъ, довершали убранство комнаты. Десять свѣчъ, по двѣ на карточныхъ столахъ и четыре на импровизированномъ буфетѣ, окончательно портили воздухъ натопленной до невозможности комнаты; непривычный человѣкъ и получаса не пробылъ-бы въ этой жаркой атмосферѣ, пропитанной запахомъ лампаднаго масла, росного ладона и лишенной малѣйшей вентиляціи, но для *присныхъ* такая температура и запахи были родной стихіей; въ ней они родились и выросли, въ ней и умрутъ. Тотчасъ по окончаніи ужина комната эта начала наполняться приглашенными, такъ что къ часу ночи ихъ набралось ровно пятьнадцать человѣкъ. Каждый входящій осѣнялъ себя большимъ крестомъ и клалъ низкій поклонъ передъ образомъ Спасителя, потомъ приступалъ къ чаепитію съ *прибавленіемъ*, т. е. съ ромомъ, который щедро подливалъ сѣдовласый Вася, исполнявшій за неприбытіемъ хозяина его роль. Всѣ гости, какъ пришедшіе съ торжественнаго ужина, были одѣты во фраки и бѣлые галстуки; на шеяхъ большинства красовались владимірскія и аннинскія ленты съ золотыми и серебряными медалями; у двухъ-трехъ въ петличкахъ фраковъ болтались станиславчики. Все это были

финансовые тузы Рязанова; любой изъ нихъ во всякое время могъ вынуть изъ сундука своего сотню тысячъ чистоганомъ, безъ всякихъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита, несмотря на то, что старомодный фракъ сидѣлъ на немъ, какъ на коровѣ сѣдло, что изъ-подъ бѣлой манишки торчала ситцевая рубашка и сапоги безъ подборовъ скрипѣли, какъ у полового въ трактирѣ. Каждый изъ нихъ прошелъ огонь и воду на тяжеломъ поприщѣ служенія золотому тельцу и біографіи многихъ не лишены кровавыхъ эпизодовъ. Вотъ хоть-бы взять немножко знакомаго намъ по разговору кумушекъ мануфактуръ-совѣтника Савву Антипьевича Подъёхина, преважно сидящаго съ чашкой чаю на кожаномъ диванѣ. Сколько самоувѣренности и сознанія собственнаго достоинства во всей его старчески-представительной наружности! Побѣлѣвшія кудри красиво обрамляютъ его открытое, матово-блѣдное, чистое лицо; ястребиной дальнозоркостью блестятъ его черные глаза изъ-подъ густыхъ, крутыхъ бровей; страстныя немного толстыя губы складываются въ пріятную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предательскую улыбку, бѣлая, какъ лунь, густая борода аккуратно подстрижена; правильный, орлиный носъ украшенъ золотымъ пенснэ. Костюмъ безукоризненный—въ петличкѣ фрака едва замѣтна миніатюрная бутоньерка станиславской орденской ленточки, на умѣренно открытой груди бѣлоснѣжной рубашки à la Рошфоръ горятъ три маленькіе самой чистой воды бриліанта, а на безъимянномъ пальцѣ лѣвой руки красуется на-столько крупный и дорогой солитеръ, что былъ-бы замѣтенъ и на парадномъ мундирѣ персидскаго шаха. Представительности Подъёхина помогаетъ высокій ростъ, умѣренная полнота при необыкновенной пропорціональности и правильности всѣхъ частей тѣла. Облеките эту фигуру въ средневѣковой костюмъ или кардинальскую сутану, и она могла-бы служить рѣдкимъ сюжетомъ для кисти Рембранта или Ванъ-Дейка. Кто-бы прозрѣлъ въ этомъ великолѣпномъ по внѣшности мануфактуръ-совѣтникѣ грязнаго мальчишку, сироту изъ села Подъёхина, служившаго подносчикомъ въ одномъ кабакѣ на проселочной дорогѣ отъ Рязанова къ Нижнему-Новгороду? Да, сорокъ лѣтъ назадъ это было такъ! Поздней осенью возвращался изъ Нижняго богатѣйшій рязановскій купчина старовѣръ Пчелкинъ. Сбившись съ дороги, продрогнувъ отъ холода, онъ наткнулся на одиноко стоящій кабакъ и постоялый

дворъ, гдѣ служилъ Савка. Понравился купчинѣ, проведшему ночь на этомъ дворѣ, молодой четырнадцатилѣтній подносчикъ своей расторопностью и взялъ онъ его къ себѣ въ Рязаново. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ умеръ въ одночасье шестидесятилѣтній Пчелкинъ, оставивъ свои милліонные капиталы законной сожительницѣ съ правомъ наградить по усмотрѣнію и *смиренству* трехъ оставшихся послѣ него дочерей-дѣвицъ. Уже черезъ два мѣсяца послѣ его смерти, девятнадцатилѣтній Савка преобразился въ первой гильдіи купца Савву Антипьевича Подъёхина, явясь обладателемъ всѣхъ его милліоновъ и взявъ въ супружество его сорокапятилѣтнюю вдову, бабу глупую и некрасивую, какъ смертный грѣхъ. Почуявъ силу, гордо расправилъ свои могучія крылья молодой орелъ. Немедленно три падчерицы были выданы замужъ въ сосѣднія торговыя села за разныхъ торгующихъ мѣщанъ съ награжденіемъ отъ двухъ до пяти тысячъ каждой, смотря по ихъ личному *смиренству*. Недолго наслаждалась радостями супружеской жизни съ молодымъ мужемъ вдова Пчелкина: лишь только супругъ перевелъ всѣ ея капиталы и недвижимость на свое имя, она была удалена изъ главнаго дома во флигель, гдѣ, предаваясь горести, находила единственную отраду въ поклоненіи Бахусу въ сообществѣ трехъ ея *присныхъ* — дѣвочекъ-читалокъ. Такъ прошло три года. Разсказываютъ, что не задолго до смерти прогнанная жена покаялась собравшимся около ея постели дочерямъ и дѣвкамъ-читалкамъ въ смертномъ грѣхѣ—въ отравѣ своего перваго мужа, по наущенію безсовѣстнаго Савки; поднялось-было дѣло; мѣстныя власти, чуя поживу, словно коршуны, слетѣлись къ кровати больной, но нашли ее уже при послѣднемъ издыханіи, такъ что ея смерть, докторское показаніе о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей умершей, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, и главное—милліоны Подъёхина разсѣяли всякія подозрѣнія. Оставшись одинъ-одинешенекъ, Савва Антипьевичъ весь отдался коммерціи: построилъ двѣ громадныя фабрики, выписалъ изъ-за границы машины, перешелъ въ единовѣріе, пожертвовалъ десять тысячъ на пріютъ и тридцати лѣтъ получилъ званіе мануфактурнаго совѣтника. Сорока лѣтъ онъ во второй разъ женился на богатой московской вдовѣ изъ Рогожской, взявъ за ней вмѣстѣ съ двумя дочерьми отъ перваго брака, милліонъ приданаго. Падчерицъ онъ

отдалъ въ Москвѣ въ пансіонъ на воспитаніе, чтобъ дома глазъ не мозолили, а молодую двадцати-пятилѣтнюю жену увезъ въ Рязаново. Въ первыя-же пять лѣтъ супружества Подъёхинъ успѣлъ половину приданаго капитала перевести на себя, вторая-же хотя и находилась у него въ дѣлахъ, но все-таки принадлежала женѣ, которая, поняв ши характеръ мужа, крѣпко держалась за эту связующую ихъ супружество нить. Ни ласки Саввы Антипьевича, ни рожденіе дочери, ни всѣ тѣ нравственныя пытки и физическія лишенія, которыя переносила она въ послѣднее время отъ своего главы, не могли принудить ее отказаться отъ капитала. Забитая, изолированная отъ всего живого, окруженная шпіонами мужа въ лицѣ нянекъ и мамокъ, она не выходила изъ своей крѣпости, какою и были для нея палаты Саввы Антипьевича, сосредоточивъ всю свою любовь и заботы на ребенкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія изъ пансіона своихъ старшихъ дочерей. Молодыя пансіонерки разбили ея лучшія надежды. Пріѣхавъ изъ пансіона подъ родной кровъ съ мечтами о душкахъ-гусарахъ, увлекательномъ вальсѣ и блестящей мазуркѣ, онѣ сразу стали на сторону вотчима, во власти котораго была ихъ жизнь. Долго крѣпилась бѣдная женщина, но привозъ изъ Петербурга новой гувернантки, новые порядки въ домѣ, оскорбляющіе чувства жены и матери, сломили, наконецъ, ея энергію. Подъ условіемъ личной свободы и неразлучной жизни съ младшей дочерью, она отказалась отъ капитала и вмѣстѣ съ двѣнадцатилѣтней Лизой уѣхала въ свое родное Рогожское. Глазомъ не моргнулъ Савва Антипьевичъ по отъѣздѣ жены; его грызла безсильная злоба и отчаяніе, что у него нѣтъ наслѣдника, и только въ весьма осязательныхъ ласкахъ гувернантки француженки, съ которою онъ объяснялся на перстахъ, этотъ звѣрь забывалъ свое одиночество.

А вонъ, рядомъ съ Саввой Антипьевичемъ, скорчившись и съежившись, сидитъ плюгавенькій старичишка въ широкомъ фракѣ съ потертыми по швамъ рукавами, въ черномъ атласномъ двубортномъ жилетѣ, съ бисерной цѣпочкой отъ часовъ. Онъ безпрестанно покрякиваетъ, окрещиваетъ свою зѣвающую пасть большимъ крестомъ, отплевываясь въ клѣтчатый бумажный носовой платокъ и стараясь придать своей обезображенной оспой физіономіи благодушный видъ; но сѣрые, глубоко впалые глаза, бѣгающіе словно у кошки, увидѣвшей разомъ двухъ мышей, гово-

рятъ не очень-то въ пользу его благодушія. Да, плохо попасться въ лапы этому двуногому коту. Потомственный почетный гражданинъ Сила Львовичъ Кудесниковъ началъ съ небольшого свою финансовую карьеру. Получивши въ наслѣдство отъ отца фабрику съ товаромъ тысячъ на триста, онъ застраховалъ ее въ полмилліона вмѣстѣ съ товаромъ, а черезъ мѣсяцъ, вывезши товаръ при содѣйствіи довѣреннаго прикащика въ укромное мѣстечко, собственноручно сжегъ ее, гдѣ, по несчастію, сгорѣли шесть мастеровыхъ, а также и довѣрчивый приказчикъ. Получивъ цѣликомъ страховую сумму, хоть товару было вывезено тысячъ на полтораста, Кудесниковъ выстроилъ новую, да черезъ годъ отказался въ платежѣ кредиторамъ слишкомъ на милліонъ; тѣ пошли на сдѣлку, получивъ за рубль по девятнадцати копеекъ. Черезъ три года этотъ фортель вновь повторился, съ тою только разницей, что кредиторы получили двадцать три копейки съ четвертью за рубль. Вотъ ужь пятнадцать лѣтъ, какъ Сила Львовичъ расплачивается честно. Поговариваютъ, что онъ продалъ свою фабрику Лекареву, хочетъ *кончить комерцію* къ Макарьевской; тогда, вѣроятно, кредиторы не дождутся и пяти копеекъ въ пять лѣтъ. Впрочемъ, вѣдь это только говорятъ, и если чужая душа—потемки, то душа рязановскаго капиталиста—тьма кромѣшная. За то любятъ рязановцы Силу Львовича, что семьянинъ онъ примѣрный. Жена у него въ два добрыхъ мужицкихъ обхвата, дочки всѣ въ нее, домъ что полная чаша, образная—на рѣдкость, въ каждой комнатѣ по кіотѣ съ неугасимой лампадой, съ утра до вечера въ домѣ либо жуютъ, либо спятъ во славу Божію. Толи не доблестные граждане!

Большинство этой честной компаніи, въ ожиданіи прихода хозяина, скучилось около извѣстнаго шутника и балагура во всемъ Воскресенкѣ, тоже не послѣдняго денежнаго туза Якова Андреевича Полосатина. Субъектъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Ростомъ онъ несравненно выше любого тамбуръ-мажора во всѣхъ европейскихъ полкахъ; тучностью, откормленностью и неряшествомъ онъ превзойдетъ всякихъ свиней Англіи и Бельгіи, изумлявшихъ публику на всемірныхъ выставкахъ Лондона, Парижа и Вѣны своимъ великолѣпнымъ свинствомъ. На его плоскомъ, луно-кругломъ лицѣ красно-багроваго цвѣта отсутствовала всякая растительность; вмѣсто бровей, надъ

заплывшими крошечными карими глазками шли двѣ бѣлесоватыя полосы; носъ какъ-бы утопалъ въ подушкообразныхъ, ожирѣвшихъ щекахъ и непосредственно отъ постоянно полуоткрытаго рта начинался зобоподобный подбородокъ, тремя ярусами спадавшій на грудь; шеи положительно не существовало: его грузное, упитанное чрево покрывало его колѣни, когда Яковъ Андреевичъ тяжело опускался, но не иначе, какъ на два вмѣстѣ составленные стула. Даже въ состояніи абсолютнаго покоя его особа сопѣла и хрипѣла, словно шестиведерный самоваръ въ извощичьей харчевнѣ; при малѣйшемъ-же движеніи или звукѣ его хриплаго голоса все это налитое тѣло колыхалось и трепетало, какъ бламанже на блюдѣ въ рукахъ неопытнаго купеческаго лакея. Про его силу и обжорство идетъ много разсказовъ. Въ молодости, лѣтъ двадцати (теперь ему подъ пятьдесятъ), онъ унесъ двадцатипудовую бабу, которою вколачивали сваи въ рѣкѣ, за цѣлую версту и приперъ ею входную дверь въ спальню своей любовницы, а года два назадъ, на макарьевской, т. е. нижегородской ярмаркѣ, въ извѣстномъ ресторанѣ Никиты, на пари съѣлъ по порціи всѣхъ блюдъ, какія значились въ дневномъ прейсъ-курантѣ гостиницы, выпивъ при этомъ четыре бутылки разныхъ винъ и съ дюжину рюмокъ водки. Начавши свою карьеру повѣреннымъ по откупу, черезъ пять лѣтъ онъ самъ сдѣлался откупщикомъ, вступивъ сначала въ интимныя отношенія съ гуслицкими литейщиками, которые славились въ былыя счастливыя времена откуповъ отливкою монеты всякаго достоинства, а потомъ, перенесши свою дѣятельность на югъ, къ Нахичевани и сдружившись съ артистами-граверами, вывезъ оттуда, не задолго до окончанія откуповъ, значительныя пачки нефальшивыхъ сторублевокъ. Теперь онъ отдыхаетъ на лаврахъ въ своемъ родномъ городѣ и торгуетъ больше деньгами, хоть для политики и держитъ десятка три винныхъ складовъ и до сотни кабаковъ по своему уѣзду. Впрочемъ, послѣднимъ дѣломъ заправляетъ его единственный сынъ, малый лѣтъ двадцати-пяти, посвященный съ малолѣтства во всѣ тайны немудрой науки спаиванія русскаго народа. Законная-же супруга его, мизерная, тихая и недалекая особа, не выходитъ изъ затрапезнаго платья, поглощенная хозяйственными заботами, въ которыхъ угодіе чреву *самого* играетъ первѣйшую роль. За то такихъ богатыхъ запасовъ вяленаго, соленаго, копченаго, вареннаго, маринованнаго не

найдете въ цѣломъ городѣ, какъ только въ грязныхъ палатахъ Полосатина. Любятъ его въ городѣ и за веселый нравъ и за острыя слова, а главное—за его хлѣбосольство. Не было примѣра, чтобъ его гость выходилъ изъ его дома въ польяна.

— Ты еще все, старый хрычъ, дышешь! просипѣлъ Яковъ Андреевичъ, принимая отъ Васи неполный стаканъ чаю и доливая его ромомъ.

— Поскрипываю, ваше степенство, вашими святыми молитвами, съ поклономъ отвѣтилъ шестидесятилѣтній Вася.

— Ну-ка, поставь здѣсь графинъ-то.—Полосатинъ указалъ на столъ.—Да садись сюда, къ намъ. Давно я по душѣ съ тобой не бесѣдовалъ.

— Не ко времени бесѣда, ваше степенство. Хлопотъ полонъ ротъ—всѣмъ вамъ, благодѣтелямъ, услужить надо.

— Чего служить, у всякаго руки есть—нальетъ, коли выпить захочетъ, вина-то—слава те Господи! не придется въ погребокъ бѣжать. Са-а-дись!

— Да *самъ* придетъ... началъ-было отнѣкиваться Вася.

— А *самъ* придетъ, тогда и отпустимъ. Безъ разговоровъ садись, а то, знаешь меня, какъ о запрошломъ годѣ, помнишь, танцовать заставлю.

Вася покорно опустился на стулъ.

— Слышали, господа, обратился Полосатинъ къ окружающимъ его гостямъ, — старый-то нашъ грѣховодникъ, Вася, задумалъ жениться, и на комъ-бы вы думали?—на Матильдѣ Францовнѣ!

Дружнымъ хохотомъ отвѣтили гости. Матильда Францовна была мѣстной камеліей изъ обрусѣвшихъ нѣмокъ.

— Ахъ, ахъ, ахъ! грѣшно, ваше степенство, напраслину взводить...

— Напраслину? перебилъ разъахавшагося Васю Полосатинъ.—А не самъ ты, старый хрѣнъ, разсказывалъ, что хотѣлъ жениться на аптекарской дочкѣ, а?

— Это было, точно, въ молодости, по малоумію моему. Молю моего Создателя, что не попустилъ скверпѣ сей совершитися.—Вася перекрестился.—А по моимъ лѣтамъ теперь и въ сонномъ мечтаніи этакого срама не представляется... и какая такая Матильда Францовна? я и слуху объ ней не знаю.

— А отчего-же ты на аптекарской дочкѣ не женился? Разлюбилъ, что-ли?

— Нравъ ожесточенный имѣла. Злости несказанной душу имѣла... убоялся! отрывисто заговорилъ старикъ; лицо его побѣлѣло, глаза заискрились и забѣгали.

— Чего убояться! какъ женой-то бы сдѣлалась и нравъ перемѣнился, подзадоривалъ старика Полосатинъ.

— Не довлѣетъ... невозможно! Писаніе глаголетъ: „не единъ убо звѣрь въ мірѣ подобенъ есть женѣ злѣй. Нѣсть злобы паче главы змінны и нѣсть злобы паче злобы женскія, яко нѣсть глава надъ главу змія и нѣсть злоба надъ злобу жены...“ О, зло зла злѣйшее злая жена! спѣшно проговорилъ Вася, крестясь и въ то-же время отплевываясь.

Зрители готовы были разразиться надъ этой грустной для свѣжаго человѣка тирадой полупомѣшаннаго старика, но, замѣтя подмигиванья Полосатина, осторожно прятали въ кулакъ глупо осклабившіяся лица.

— На-ко вотъ, старина, выпей стаканчикъ, прохладись... Вѣдь не грѣхъ, а? говорилъ Яковъ Андреевичъ, подавая Васѣ стаканъ краснаго вина.—Не бойсь, слабенькое, съ этого не упьешься, бери-ка!

— Можно!—Вася взялъ стаканъ.—Горе упивающимся не отъ вина! Есть-бо есть и гнѣвомъ упиватися и похотію безмѣстною и сребролюбіемъ, и тщеславіемъ, торжественно произнесъ онъ и выпилъ вино.

— Да! такъ, такъ! балагурилъ Полосатинъ. — Вонъ пишутъ въ газетахъ иностранныхъ, что у насъ браковъ церковныхъ не будетъ, а по контракту: взялъ себѣ бабу на мѣсяцъ, на два, сколько понравится, а потомъ и шабашъ: бери другую, коли больше полюбилась. Вѣдь хорошо это, а? Какъ думаешь?

— Все это эллинское скверное писаніе, басни суть не коли скверны и нечисты: исповѣдаютъ-бо бѣсовскія шатанія, души погубленіе и злокозньство! какъ по заученному сыпалъ Вася.

— Какое басни, вѣрно! Вотъ вашему брату лафа-то будетъ, а? Что ты скажешь, а?..

— А то скажу, началъ Вася экзальтированный и блѣдный: — Писаніе речетъ: „блюдите убо, яко ходите, яко дніе лукави суть, мнози-бо прелестницы изыдоша въ міръ...“ но вдругъ оборвался,

заслышавъ условный и знакомый стукъ во входную дверь.— *Самъ* стучитъ... благодѣтель пришелъ! проговорилъ онъ робкимъ, упавшимъ голосомъ и поспѣшно бросился съ смежную съ кабинетомъ лакейскую, чтобы отпереть хозяину дверь.

Гости разразились глупымъ смѣхомъ.

Грустное сочувствіе, а не грубый смѣхъ, по-настоящему, должно-бы было вызывать въ рязановцахъ это по-истинѣ жалкое существо, извѣстное въ цѣломъ городѣ подъ кличкой шестидесятилѣтняго Васи. Василій Петровичъ Понкратьевъ—таково его полное имя,—сынъ богатаго купца; въ холеру потерялъ разомъ отца, мать, брата и троихъ сестеръ. Оставшись наслѣдникомъ чуть не милліона, когда ему было только двадцать-два года, влюбился безумной любовью въ аптекарскую дочку, разсчетливую, хитрую и злую нѣмку. Къ достиженію своей цѣли—обладанія бѣлокудрой дочерью Рейна, онъ не видѣлъ никакихъ преградъ, даже принадлежность къ расколу не удерживала его: Вася готовъ былъ перейти въ православіе. Не такъ смотрѣла на его стремленія холодная нѣмка; ея сердце давно принадлежало соотечественнику, одному бѣдному механику, служившему на фабрикѣ Понкратьева, а потому изъ ухаживанія Васи она, при помощи своего акуратнаго фатера и домовитой мутерхенъ, сдѣлала доходную статью. Нѣмецкое langsam было пущено этимъ осторожнымъ тріумвиратомъ. Цѣлый годъ тянулось это дѣло и, наконецъ, когда изъ кармана Васи перешло въ шкатулку аптекаря около ста тысячъ, насталъ послѣдній актъ комедіи. Аптекарь сдалъ свою аптеку новому антрепренеру, механикъ женился на его дочери и всѣ вчетверомъ уѣхали въ свой родной фатерландъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ пьянствовалъ и кутилъ, во всю ширину русскаго купеческаго разгула, обманутый Вася, пока не осилила его бѣлая горячка. Тогда пригрѣлъ его у себя, якобы изъ состраданія, единственный дальній родственникъ, Терентій Кузьмичъ Лекаревъ, окружилъ его всевозможными начетчиками и самъ, какъ ярый раскольникъ, фанатизировалъ его надорванную натуру. Полувыздоровѣвшій Вася отдался изученію книжной бездны премудрости, велъ цѣлые два года жизнь чуть не аскета, не ѣлъ мясного, по средамъ и пятницамъ не употреблялъ масла, а въ великую седьмицу съѣдалъ въ день по одной просфорѣ. Въ это время Терентій Кузьмичъ управлялъ его разстроенными дѣлами такъ не-

удачно, что долженъ былъ въ убытокъ себѣ пріобрѣсти все недвижимое имущество Понкратьева, чтобъ заплатить его долги и избавить его отъ банкротства. Смирившійся до зѣла Вася перенесъ этотъ ударъ хладнокровно и облобызалъ руку благодѣтеля, объявившаго, что Вася можетъ жить до скончанія дней своихъ въ его, Лекаревѣ, домѣ. Такой образъ жизни помогъ окончательному отупѣнію и безъ того недалекаго Понкратьева: если и просыпалась въ немъ иногда его страстная натура и онъ отчаянно кидался въ пьянство и разгулъ, то мощная рука благодѣтеля ввергала его связаннаго въ холодную каморку, гдѣ, вытрезвясь, онъ начиналъ снова жизнь полу-идіота, полу-аскета. Благодѣтель при смерти не забылъ Васю и въ духовной завѣщалъ, вмѣстѣ со всѣми своими богатствами, и этого несчастнаго единородному своему сыну Кузьмѣ Терентьевичу, приказывая дать пріютъ и столъ, до конца дней, Василію Петровичу. Итакъ, тридцать лѣтъ прожилъ день за день, безъ цѣли, желаній, стремленій этотъ забитый человѣкъ, питая свой духъ разными старопечатными мудрствованіями, являясь посмѣшищемъ всевозможныхъ Полосатиныхъ, благоговѣя до робости передъ своими благодѣтелями, какъ батюшкой, такъ равно и сыномъ, и служа имъ въ качествѣ двуногаго пса, днемъ и ночью сторожащаго ихъ замурованную въ стѣну кассу. Одного не осилилъ онъ своимъ смиреніемъ—это ненависти къ женщинамъ. При напоминаніи-же ему исторіи его несчастной любви онъ обращался въ полупомѣшаннаго, сыпалъ изрѣченіями священнаго писанія, открещивался и отплевывался и кончалъ тѣмъ, что или заболѣвалъ, падая въ истерикѣ, или напивался до положенія ризъ.

Приходъ хозяина, къ досадѣ Полосатина и всѣхъ *присныхъ*, прервалъ эту грустную траги-комедію и спасъ на этотъ разъ Васю отъ лишняго припадка. Кузьма Терентьевичъ вошелъ бойко, съ маленькимъ развальцемъ и брюхомъ впередъ. Это былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, порядочно длинный, основательно плотный, съ небольшимъ брюшкомъ, вершковъ девяти не больше, и никакъ не менѣе пудовъ семи по вѣсу. Свѣтлорусые волосы лежали на головѣ красиво, не нуждаясь ни въ излишнемъ трепаньѣ, ни въ усиленномъ приглаживаньѣ. Изъ небольшой свѣтлорусой бороды, какъ изъ рамки, выглядывало рябое, нѣсколько грубоватое и угловатое лицо. До-

статочно масляные, сѣрые, вѣчно прищуренные глазки, какъ-будто смѣялись, тогда-какъ на губахъ бродила не то улыбка, не то гримаса, хитрая и добродушная, грустная и насмѣшливая. Онъ былъ одѣтъ, какъ и гости, въ фрачную пару; на самой срединѣ груди, на батистовой гофрированной сорочкѣ красовался, спущенный съ шеи на широкой лентѣ, анненскій крестъ.

— Фу, усталъ!.. Здорово, присные! Всѣ-ли собрались? весело говорилъ хозяинъ, пожимая руки гостей.—А, и ты, слонъ, здѣсь! Вотъ спасибо, а я, признаться, думалъ, что не придешь, больно зѣвалъ за ужиномъ, обратился онъ, трепля по-пріятельски по по плечу Полосатина.

— Да и то, братъ, не пришелъ-бы, да соблазнъ-то великъ. Ты намеднись хвастался, что получилъ ящикъ кло-де-вужо... ну, и осилилъ сонъ — притащился отвѣдать *особеннаго*... Вели подать.

— Вася! крикнулъ Лекаревъ.—Что-же ты не угощаешь? подавай!

— Сейчасъ, благодѣтель, сейчасъ! опрометью выбѣжавши изъ передней откликнулся Вася и началъ отыскивать требуемое вино въ баттареѣ бутылокъ.

— Что, усталъ, чай, добре? обратился заискивающимъ тономъ Сила Львовичъ Кудесниковъ къ хозяину.—Ну-ка всю эту ораву напоить, накормить, ласковымъ словомъ привѣтить... Да хоша разошлись-ли всѣ? Вѣдь ужь второй часъ.

— Всѣ, всѣ разошлись! весело отвѣтилъ Лекаревъ. — Признаться, пуще всѣхъ надоѣлъ мнѣ этотъ дровокатъ Переверзинъ; присталъ послѣ ужина: дай я ему взаймы, значитъ безъ отдачи, тысячу рублей. Я, говоритъ, для васъ три дня рѣчь сочинялъ, все одно, что на защитѣ былъ... Насилу отдѣлался—спасибо, судебный приставъ, его пріятель, подвернулся, отцѣпилъ его отъ меня; велѣлъ имъ шипучки бутылку поставить, чтобъ глотку-то залить... Тоже, артисты!.. Да что-же мы, *присные*, стоимъ всѣ во фракахъ-то да орденахъ, словно губернатора ждемъ? Я, съ вашего позволенія, надѣну халатъ, обратился онъ къ гостямъ.

— Разоблачайся, ребята! громогласно просипѣлъ Полосатинъ.

Гости со смѣхомъ поснимали фраки, ордена и медали. Лекаревъ облекся въ засаленный такъ-называемый *бухарскій* халатъ, которыми снабжаютъ небогатыхъ петербургскихъ чиновни-

ковъ казанскіе татары, торгующіе въ разносъ. Не сняли только своихъ фраковъ Кудесниковъ да Подъёхинъ.

— А вы что-же? обратился хозяинъ къ послѣднему.

— Нѣтъ, знаете, мнѣ сегодня что-то не по себѣ—точно знобитъ меня, отвѣчалъ Савва Антипычъ.

— Оставь его! засипѣлъ Полосатинъ, сидѣвшій безъ фрака и жилета, въ одной разстегнутой сорочкѣ, — онъ не сниметъ: у него подъ фракомъ-то надѣтъ корсетъ, ему мамзель его сшила, ха-ха-ха!

Все общество захохотало.

— Ишь, завылъ, слонъ! откликнулся Подъёхинъ, вставая съ дивана и подходя къ балагуру. — Что, али вино-то больно хорошо, что и сонъ прошолъ? Дай-ка попробовать? заминалъ онъ непріятный хохотъ.

— Такъ, Антонычъ, хорошо, что на рѣдкость! Почемъ за бутылку платилъ, Кузя?

— Девять безъ провоза, отвѣчалъ Кузьма Терентьевичъ, наливая себѣ и Подъёхину стаканы.

— Цѣна хорошая, а стоитъ! смакуя и разсматривая цвѣтъ вина черезъ свѣчу съ видомъ знатока, проговорилъ Яковъ Андреевичъ.

— Что-же, *присные*, время драгоцѣнно: не благоугодно-ли начать? предложилъ хозяинъ, подходя къ одному изъ ломберныхъ столовъ и взявъ въ руки карты.

Гости зашевелились, поднимаясь съ мѣстъ.

— Господа, повремените минуточку: пока не засѣли въ плотную, надо маленькое дѣльцо обсудить, насчетъ нашего театра, остановилъ общее движеніе визгливый фальцетъ Кудесникова.

— Что, что такое? что случилось? раздались голоса гостей, окружившихъ невзрачную фигуру Силы Львовича.

— Вамъ, почтеннѣйшій Кузьма Терентьичъ, какъ нашему головѣ, жалуюсь, а васъ, господа общественники, прошу — разсудите, потому дѣло это послѣднее, такъ сказать, срамъ, одинъ соблазнъ и, можно сказать, просто, мораль на все купечество... вольнодуміе на цѣлый городъ! зарапортовался Кудесниковъ.

— Постой, постой! закричалъ Полосатинъ.—Ты слова-то не набирай, говори дѣло, не размазывай, вѣдь мы не въ судѣ присяжные, а ты не дровокатъ; въ чемъ толкъ-то?

— А въ томъ толкъ, что разрѣшили въ нашемъ городѣ театръ только на одинъ соблазнъ да на обиду честныхъ людей, обиженнымъ тономъ продолжалъ Сила Львовичъ.—Имѣю я себѣ шестьдесятъ лѣтъ, проживаю въ своемъ городѣ честно и благородно, какъ слѣдуетъ степенному гражданину, можно сказать, отъ самого высшаго начальства одно почтеніе видѣлъ и вдругъ черезъ этотъ поганый театръ такое поношеніе. Выѣхалъ я нонѣ поутру въ проѣздку въ кругъ, на площадь, какъ быть слѣдуетъ благородно, на парѣ. Только въ народъ-то, въ толпу пробрались, шагъ за шагомъ, осторожно ѣдемъ, какъ загомонятъ, засвищутъ разные стрюцкіе да фабричные пропойцы: ги, га-а. Котъ, молъ, выѣхалъ! Коту наше почтеніе! Не все коту масляница!.. А народъ-то кругомъ грегочетъ да пальцами на меня указываетъ; жена сидитъ, выбѣлѣла вся, дрожитъ, словно ее лихоманка бьетъ. Я кучеру шепнулъ потихоньку, чтобъ своротить въ переулокъ да ѣхать домой, а хохотъ-то мнѣ вслѣдъ пуще, фабричные по-кошачьи мяукаютъ, пищатъ, а стрюцкіе на всю площадь орутъ: что, молъ, котъ на утекъ пошелъ! отошла коту масляница! Завернули въ переулокъ, разсуждаемъ мы съ Ульяной Никитишной, что-де за оказія такая, съ чего-де такое названье фабричные придумали? понять не можемъ.

— Придумали въ самый разъ: ты посмотрись-ка въ зеркало-то, какъ есть кошечья образина, перебилъ разскащика Полосатинъ.— Да и когти-то у тебя извѣстные, многихъ поцарапалъ! прибавилъ онъ, залившись густымъ смѣхомъ.

Нѣкоторые изъ гостей робко фыркнули. Кудесниковъ сначала вспыхнулъ, а потомъ мертвецки поблѣднѣлъ.

— Тебѣ-бы, свиной тушѣ, только глотку драть! У тебя семейство только и есть, что одинъ сынъ; про васъ, балбесовъ, что хошь говори — васъ не убудетъ, а у кого въ семьѣ дѣвки на возрастѣ, такъ отъ этой морали не до смѣху! дрожащимъ отъ злости голосомъ проговорилъ онъ, злобно посматривая на Полосатина.

— Полно тебѣ, Яша; не къ мѣсту шутки! мягко замѣтилъ хозяинъ.—На старикѣ лица нѣтъ... тутъ дѣло въ сурьезъ. Досказывай, досказывай, Сила Львовичъ, нечего на него смотрѣть, вѣдь онъ не отъ сердца, а ради краснаго словца... балагуръ извѣстный! успокоивалъ онъ Кудесникова.

— Молчи, словъ!.. Говорите, Сила Львовичъ, говорите! Эка слоповая пасть! сочувственно заговорили гости, заинтересованные разсказомъ.

— Только въ этомъ самомъ сумлѣньи пріѣзжаемъ мы съ Ульяной Никитишной домой, входимъ обнаковенно съ чернаго крыльца, черезъ куфню; встрѣла насъ куфарка Арина. Завидѣла меня, какъ вдарится вдругъ въ слезы, начнетъ причитать, а сама воетъ-разливается, словъ-то ея понять не могу. Что, думаю, за притча такая: ужь не хватила-ли баба для праздника лишнее? Выругалъ ее да и говорю женѣ: спроси, дескать, чего она ошалѣла, а самъ пошелъ въ покои. Отдалъ дѣвкѣ шубу. Гдѣ, спрашиваю, дочери? Въ залѣ, говоритъ, сидятъ. Посмотрѣлъ ей въ лицо, вижу—въ глаза не глядитъ, отворачивается и словно бы прыснуть со смѣху хочетъ, однако, шубу приняла и унесла, все какъ слѣдуетъ. Я—въ залу; отворилъ дверь и даже оробѣлъ: на дочеряхъ лица нѣтъ, глаза опухли, сами изъ себя красныя, точно сейчасъ съ полка слѣзли. Какъ бросятся онѣ ко мнѣ на шею да заревутъ въ два голоса! Я говорю имъ: что вы, дуры, чего ревете, али обидѣлъ кто васъ? Тятинька, говорятъ, такую вчера въ театрѣ про васъ мораль пущали, что просто страсть. Сказываютъ, какъ только главный-то комедьянщикъ вышелъ передъ публику, словно вотъ вы, такъ всѣ и захлопали въ ладоши, а фабричные-то кричатъ: „нашъ Сила Львовичъ!.. Кудесниковъ!.. Котъ!.. Кудесниковъ, чудесно, хорошо!“ Кто, спрашиваю, вамъ разсказывалъ-то про это? Николаша Погорѣлый, говорятъ, приходилъ, все и разсказалъ, самъ въ театрѣ былъ. Никакъ я всего-то въ толкъ отъ нихъ не могу взять за ихъ слезами бабьими, и только было хотѣлъ поразспросить ихъ хорошенько, какъ вбѣгаетъ моя Ульяна Никитишна—глаза на лбу, ничего не видитъ. Въ Сибирь, кричитъ, этого комедьянщика; жива не буду, въ Сибирь упеку, а театру чтобъ и духу не было, сожечь его надо! Я было зыкнулъ — куда тебѣ; баба она сырая, тучная, голосистая; обхватила за шеи своихъ дочерей да какъ взвыла бѣлугой! а тѣ, глядя на нее, пуще, да какъ въ три-то голоса завели, хоть святыхъ вонъ выноси. Ушелъ я въ контору, плюнумши со злости. Послалъ за Николкой Погорѣлымъ,—онъ у меня никакъ годовъ пять въ племянникахъ жилъ,—чтобъ разъяснилъ онъ доподлинно въ чемъ вся суть. Онъ мнѣ и растолковалъ.

Есть такая комедія, что на театрѣ представляютъ, и названіе ей дано: „Не все коту масляница“, гдѣ то-есть наше, купеческое, общество осрамлено, какъ лучше требовать нельзя, и главный комедіянщикъ приставляетъ нашего брата, степеннаго купца, что ни на есть въ позорномъ видѣ. Вотъ и вздумалъ этотъ комедьянщикъ...

— Ахтеръ, а не комедьянщикъ! хрипло перебиваетъ разскащика Полосатинъ.

— Ну тебя къ ляху! Ахтеръ, комедьянщикъ—не все одно? Фамилія ему Орловъ, продолжаетъ Кудесниковъ, — вздумалъ на потѣху публики опозорить меня. Какой тамъ у нихъ бѣсовскій парикъ, что-ли, называется, Николка сказывалъ,—на голову надѣлъ сѣдой, бороду наклеилъ, какъ есть моя, казинетовый сертукъ, синенькій, какъ у меня-же, напялилъ, взялъ въ руки этакой-же клѣтчатый платокъ, рожу, ужь прахъ ихъ знаетъ какъ, всю въ рябинахъ поддѣлалъ, на бисерной цѣпочкѣ этакіе-же часы на себя навѣсилъ (Сила Львовичъ для чего-то показалъ свои дѣдовскіе серебряные, луковицеобразные часы) — да и вышелъ передъ публику. Что ужь тутъ было и описать невозможно. Племяшъ, говоритъ, испужался, думалъ, что и театръ-то ихъ поганый весь развалится. Съ полчаса, сказываютъ, этому комедьянщику треклятому говорить не давали: публика-то почище въ ладоши била, а фабричная ошвырь, да стрюцкіе все меня полнымъ именемъ выкликали. На что-же это похоже, господа общественники, скажите? Въ какой мы такой безсудной Палестинѣ живемъ, что честныхъ людей на всю публику на театрѣ позорятъ? Вѣдь у меня двѣ дочери въ дѣвкахъ, невѣсты... кто польстится ихъ замужъ взять послѣ этакой морали? Развѣ заблужденный какой. Опять, за что же я-то терплю? Ну-те-ка, фабричные, мразь, можно сказать, и тѣ на площади, при всемъ народѣ, уськаютъ, пальцами указываютъ да котомъ обзываютъ. Съ чѣмъ это схоже? Прежде всѣ въ поясъ кланялись, куда ни покажусь, а теперь на-ко: котъ! Вы, Кузьма Терентьевичъ, этого дѣла не оставьте, прошу я васъ, потому сегодня меня опозорили, а завтра и васъ на смѣхъ поднимутъ.

Съ жаромъ, размахивая руками, говорилъ расходившійся Кудесниковъ.

— Это вѣрно; кажнаго могутъ просмѣять... Мораль на все

купечество! При томъ этихъ комедьянщиковъ надо... Выдумали бѣсовскую потѣху—театръ!.. Мало имъ клуба!.. Раззоромъ раззорить надо этотъ театръ, раздались недовольные голоса гостей.

— Да, дѣло щекотливое! какъ-бы размышляя произнесъ хозяинъ.

— Ужь на что щекотливѣе! Какіе-же мы послѣ всего этого общественники и коммерсанты, когда всякая голоштанная сволочь насъ на театрахъ на смѣхъ и на позоръ будетъ поднимать, горячился Кудесниковъ.

— Да, дѣло щекот-ли вое! Надо съ адвокатомъ посовѣтоваться, произнесъ Лекаревъ, крутя усъ.

— Совѣтовался, посылалъ за нашимъ аблакатомъ, откликнулся Кудесниковъ.

— Ну, и что же?

— Говоритъ, судебнымъ порядкомъ невозможно, потому, во-первыхъ, что онъ будетъ правъ, Орловъ-то, комедьянщикъ-то этотъ, такъ-какъ у него ролія такая, а во-вторыхъ, говоритъ, чтобъ хуже не надѣлать, потому въ газетахъ отпечатаютъ, пойдетъ огласка на всю Россію.

— Вретъ онъ, твой дровокатъ, завопилъ точно со сна проснувшійся Полосатинъ,—тащи этого ахтера прямо къ мировому да и вся недолга, всѣ мы въ свидѣтели пойдемъ.

— Что твой мировой! возразилъ ему Подъёхинъ.—Развѣ онъ нашу руку держитъ? Трясоволочки не смѣй дать фабричному, сейчасъ съ тебя штрафъ. Я, можетъ, не одну сотню переплатилъ,—какое сотню! — тысячи, чтобъ только ему не жаловались. Срамота! А еще именитыми гражданами называемся.

— А кто виноватъ? громогласно вступилъ въ разговоръ хозяинъ.—Вы же сами. Говорилъ тогда передъ выборами — прокатите Гуринова... Представлялъ вамъ тогда Дубинина и цензъ ему далъ, зналъ, что малый безъ средствъ, насъ будетъ держаться... Не послушались, выбрали Гуринова, вотъ теперь и казнитесь.

— Дѣло было вновѣ; теперь ужь онъ у насъ прокатится на вороныхъ. Одинъ я ему партійку подберу—не устоитъ... А ваше дѣло, Сила Львовичъ, надо бросить; оно такъ подъ шумокъ и изойдетъ, а подвимите—это вѣрно, хуже будетъ, огласка пойдетъ! совѣтовалъ Подъёхинъ.

— Броси-ить? Да скорѣ-же я вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пропаду, какъ червь подколодный, чѣмъ свой срамъ такъ оставлю! съ ехидствомъ въ бѣгающихъ глазахъ проговорилъ Кудесниковъ. — Десять тысячъ положу, да ужь упеку этого комедьянщика, да и театру этого самаго праху не оставлю!

— Чѣмъ десять-то тысячъ кидать, ты вотъ что лучше: дай радужную-другую моимъ парнямъ при складѣ, они выберутъ ночку потемнѣе да переулочекъ поглуше, да такую трепку этому ахтеру зададутъ, что, какъ съ отбитыми печенками домой притащится, такъ забудетъ нашего брата на смѣхъ поднимать; а у меня парни теплые, не выдадутъ, у нихъ все одно, что въ могилѣ—умерло, предложилъ Полосатинъ.

— Думалъ я объ этомъ, голубчикъ, точно. Не трудно оно подѣлать, да толкъ-то въ этомъ небольшой. Ну, одному комедьянщику отобьешь печенки, другой найдется. Нѣтъ, надо съ театромъ порѣшить, вотъ что! отозвался Сила Львовичъ.

— Нѣтъ, вотъ что, *присные*, надо намъ всѣмъ заказать фабричнымъ въ этотъ театръ ходить и пусть прикащики наблюдаютъ, ежели который фабричный ногой туда, сейчасъ его вонъ и подъ *круговую* подвести, чтобъ ни на одной фабрикѣ не взяли, подалъ свое мнѣніе одинъ изъ гостей.

— Я своимъ заказалъ, дружище, и осьмнадцать человѣкъ прогналъ, да вѣдь этимъ ничего не подѣлаешь, отозвался Сила Львовичъ:—ну, фабричные въ театръ не пойдутъ, наши *присные*, озолоти ихъ золотомъ, такъ туда не заглянутъ, такъ и безъ нихъ развѣ мало мірянъ-то и всякаго гулящаго у насъ народа?

— А по-нашему, по-старинному, чтобъ разговоровъ поменѣ было, надо-бы этотъ самый театръ поганый изморомъ пустить, прошамкалъ сѣдой старикъ съ большой бородой, медленно подходя къ Кудесникову.

— Какъ такъ, какъ это изморомъ? спросило нѣсколько гостей.

— А вотъ какъ: годковъ десятокъ поболѣ проявился у насъ въ городу тоже вотъ этакій хватъ, что на степенныхъ гражданъ мораль пущалъ, въ газеты отпечатывалъ. Только тотъ не этому чета, не прощалыга какая былъ, а учитель, въ маіорскомъ чинѣ. Да ты, чай, Сила Львовичъ, помнишь: Забѣлянскій по фамиліи. Пробовали было сначала на деньгу взять—не пошелъ. Печаталъ,

печаталъ, да и задѣлъ въ вѣдомостяхъ-то нашего покойника свѣта Линдовскаго; тотъ не долго думалъ и махнулъ въ Питеръ. Мѣсяца не прошло, глядь-поглядь перевели нашего печатальщика въ западную Сибирь. Такъ-то, сударики, тихонько да изморомъ надо дѣлишки обдѣлывать. Покопайтесь-ка—можетъ, этотъ театръ по ветхости дома али по опасности насчетъ пожарнаго случаю и прикрыть можно, а то и совсѣмъ запечатать. Раскиньте-ка умомъ-то тихохонько да смирнехонько, безъ горячки,—дѣло-то и облюбуете.

— Молодецъ, Данилычъ! весело потрепавъ по плечу, произнесъ хозяинъ.—Видно, что ратманомъ въ магистратѣ служилъ, научилъ уму-разуму. Успокойся, Сила Львовичъ, театръ этотъ мы закроемъ, дай только масляной пройти. Во-первыхъ, онъ опасенъ, потому что деревянный, устроенъ въ простомъ домѣ, худо приспособленъ къ публичному представленію, потому имѣетъ всего два выхода и примыкаетъ однимъ бокомъ къ старому дому мѣщанки Коптиловой. Подберемъ, будь спокоенъ!

— А завтра закрыть его нельзя? полюбопытствовалъ Кудесниковъ.

— Видишь ты, какой прыткой! Надо все по формѣ сдѣлать: осмотръ, постановленіе, архитектора пригласить. Нельзя завтра: театръ сданъ по контракту на годъ.

— Подавись ты моими пятью стами, а ужь срамиться не позволю! воскликнулъ Сила Львовичъ, махнувъ рукой.

— Какими пятью стами, что ты мелешь? спросилъ изумленно Лекаревъ.

— Да ужь я передъ вами признаюсь, *присные:* содержатель-то театра вчера объявилъ при публикѣ, что у нихъ сегодня и завтра эту комедію, то-есть „Кота“, приставлять станутъ, а сегодня объ завтрешнемъ театрѣ и вывѣску вывѣсилъ. Ну я, чтобъ разговоровъ-то поменѣ было, посылалъ къ театральному содержателю нашего аблаката, чтобъ больше этого „Кота“ не приставляли. Можно, говоритъ, за пятьсотъ рублей другую комедью разыграть; пущай, говоритъ, вывѣска виситъ до самаго завтрешняго вечера, коли, говоритъ, принесете къ шести часамъ пятьсотъ рублей такъ мы объявимъ публикѣ и сыграемъ другую штуку, а коли, говоритъ, не представите денегъ, опять „Кота“ при-

ставлять станемъ. Вотъ я и порѣшилъ теперь отдать разбойникамъ пятьсотъ, пусть давится.

— А все-таки, братъ, этому Орлову я-бы на твоемъ мѣстѣ замѣтку на всю жизнь положилъ, пусть-бы помнилъ науку... перебилъ Полосатинъ рѣчь Кудесникова.

— Полно тебѣ, слонъ, совѣты давать; садись-ка лучше понтировать. *Присные*, милости прошу, я закладываю... Попытай-ка и ты счастья, Сила Львовичъ, на радостяхъ, что твое дѣльцо такъ ловко обмыслили, приглашалъ радушно Кузьма Терентьевичъ.

— Подвиньте столъ-то къ дивану, а то не ловко сидѣть! просилъ Полосатинъ. — Только, Кузя, чуръ, уговоръ лучше денегъ: платиться кредитками, а то ты, пожалуй, вздумаешь расплачиваться акціями нашей желѣзной дороги по номинальной цѣнѣ, какъ съ своими кредиторами расплатился, такъ слуга покорный, поищи по-дешевле!

— Ну тебя, не ври пустого! недовольнымъ тономъ откликнулся Лекаревъ.

— А, не любишь? трунилъ Полосатинъ.

— Чего не любишь? вспыхнулъ Лекаревъ. — Что я смошенничалъ, что-ли, съ акціями-то?.. вамъ-же, дуракамъ, построилъ желѣзную дорогу, а безъ меня и теперь-бы въ грязи барахтались да по два мѣсяца товаръ на макарьевскую на лошадяхъ возили.

— Ладно, толкуй... Мы знаемъ, что знаемъ! Тоже дураки, дураки, а калачъ ѣдали, подзадоривалъ уже подвыпившій Полосатинъ.

— Что ты знаешь? Ничего ты не знаешь! Чтобъ ты мнѣ этими акціями глазъ не мозолилъ, хочешь, я вотъ при всѣхъ *присныхъ* тебѣ всю эту операцію изложу, какъ есть на чистоту, безъ казеваго конца? горячился Кузьма Терентьевичъ.

— Вали, послушаемъ! Ва-а-ли! ломался Полосатинъ.

— Изволь. Нужна намъ была чугунка? Нужна. Коли бы я не оставилъ за собой на три съ половиной милліона акцій, дорога-бы не выстроилась, а? Ну-же отвѣчай, слонъ, что примолкъ? съ жаромъ допрашивалъ хозяинъ.

— Не выстроилась-бы. А много-ли у тебя теперя акцій этихъ? въ свою очередь, спросилъ спокойно Полосатинъ.

— Ни одной.

— А кому ты ихъ роздалъ? За хлопокъ да за разный товаръ кредиторамъ, отвѣчу я за тебя. А расплачивался ты ими рупь за рупь, а на биржѣ-то по пятидесяти копеекъ покупателя съ огнемъ не сыщешь. Что-жь это выходитъ, а? нахально смотря въ глаза Лекареву, въ свою очередь, допрашивалъ Полосатинъ.

Лекарева передернуло; онъ, видимо, недоумѣвалъ, какъ принять допросъ пріятеля: за свойственную-ли ему грубую шутку или за предумышленную непріятность. Вмѣшавшійся въ разговоръ Данилычъ прекратилъ это натянутое положеніе.

— Выходитъ это, Яковъ Андреичъ, — коммерція. За воротъ вѣдь Кузьма Терентьичъ кредиторовъ не бралъ, а коли акціи принимали въ разсчетъ, значитъ дѣло полюбовное. Воронъ ворону глаза не выклюнетъ. Такъ-то, сударики мои: на этомъ свѣтъ держится. Кто раньше всталъ да палку взялъ — тотъ и капралъ, говоритъ пословица. Такъ-то! проговорилъ онъ наставительно и отошелъ къ сторонкѣ.

— Кузя, подь сюда! ласково подзывалъ къ себѣ Полосатинъ.

— Ну тебя, только въ сердца ввелъ! отозвался хозяинъ, распечатывая колоды и вынувъ изъ объемистаго бумажника толстую пачку ассигнацій.

Полосатинъ всталъ, медленно подошелъ къ столу, крѣпко обнялъ Лекарева и поцѣловалъ его:

— Люблю я тебя, дьяволъ; уменъ больно, а ужь разсердить — разсержу, потому на томъ стою... Ну, выпьемъ да и за дѣло! Вася, давай-ка сюда особеннаго! распорядился онъ и грузно опустился на диванъ, къ которому переставили столъ.

Пріятели выпили по стакану вина, чѣмъ заключилась мировая. Гости раздѣлились на двѣ группы. Къ столу около дивана сѣло человѣкъ восемь, въ томъ числѣ и хозяинъ; около двухъ другихъ, составленныхъ вмѣстѣ, размѣстились остальные. Подъёхинъ посматривалъ въ нерѣшимости на оба стола, колеблясь отдать предпочтеніе банку передъ трынкой.

— Чего ты мнешься-то на одномъ мѣстѣ, словно меринъ норовистый? садись къ намъ! замѣтилъ ему Полосатинъ.

— Да я понтировать-то не мастеръ... замялся Подъёхинъ.

— Такъ мечите, я готовъ понтировать, предложилъ хозяинъ.

— Ну нѣтъ, братъ, я не согласенъ! У Антипыча больно перстень блеститъ, какъ-разъ шестерку за семерку примешь, либо

тройку за двойку... Онъ глаза умѣетъ отводить, ха, ха, ха! подсмѣивался Полосатинъ.

— Ну, да ладно, ладно! давайте понтерки, согласился Подъёхинъ, опускаясь на диванъ рядомъ съ балагуромъ.

— Вася! понтерокъ подай да вынь тамъ *размѣну*, указавъ глазами на кассу и подавая ключъ, распорядился Лекаревъ.

Вася подалъ цѣлую дюжину колодъ игранныхъ картъ для понтерокъ и отперъ одну изъ четырехъ дверокъ кассоваго шкафа, чтобъ достать *размѣну*, т. е. мелкихъ ассигнацій и серебра; рѣзкій металлическій звонъ раздался по всей комнатѣ, лишь только онъ повернулъ ключъ въ замочной скважинѣ.

— Ишь затрезвонили, словно архіерей къ собору ѣдетъ! съострилъ Полосатинъ.

Общество захохотало. Вася вынулъ чуть не охапку пачекъ рублевыхъ ассигнацій и объемистый мѣшокъ серебра и поднесъ къ хозяину.

— Сложи вонъ туда, на столъ.—(Лекаревъ указалъ на длинный столъ, служащій буфетомъ.)—Сиди тамъ да и размѣнивай, кому понадобится.

— Ну, *присные*, я мечу качаловскій, отвѣтный! обратился онъ къ игрокамъ.—Бумаги пойдутъ по курсу и биржевой цѣнѣ; у кого капиталовъ въ наличности не станетъ, милости просимъ занять, вексельной бумаги у меня запасъ достаточный, проценты законные, трунилъ весело Кузьма Терентьевичъ.

— Да хоть-бы одинъ мѣлокъ дали, заявилъ Подъёхинъ.

— Ну, это будетъ вчера. Знаемъ эти мѣлки-то: одинъ зазоръ! Поди, спорь съ тобой, какъ и о запрошлый разъ, что тутъ написано: нуль али девять, возразилъ Полосатинъ.

— Гнуться не ловко, я съ мирондолью люблю идти да съ очкомъ; безъ мѣлка какъ-разъ собьешься, да и кропотно считать, настаивалъ Подъёхинъ.

— Чего ты торопишься-то: надъ нами не каплетъ!.. А коли въ умѣ сосчитать не можешь — карандашъ да бумажку возьми, да и выложи на цифрахъ, совѣтовалъ Яковъ Андреевичъ.—А игру вести безъ мѣлка у насъ положено свято и ненарушимо.

— Ну, господа, ставьте, у меня готово! перетасовавши колоду и предлагая срѣзать, провозгласилъ хозяинъ, предварительно положивши передъ собой нѣсколько пачекъ сторублевокъ.

Банкъ начался по маленькой; одинъ Полосатинъ поставилъ радужную, торжественно проговоривъ: „полусотенная на картѣ, десять рублей очко!“ Остальные партнеры пошли семпелями отъ трехъ до десяти рублей. *Трынка*, самая любимая среди купечества и достаточно азартная игра, устроилась на другомъ столѣ, въ самыхъ благоразумныхъ размѣрахъ. Игроки условились, чтобъ первоначальная ставка не превышала трехъ рублей; *темнить*, т. е. увеличивать ставку, несмотря въ карты, рѣшено было одинъ кругъ обязательно, но съ тѣмъ, чтобъ каждый партнеръ *темнилъ* не болѣе, какъ пятью рублями. Обставленная даже такими условіями, каждая партія этой игры, длящаяся не болѣе пяти минутъ, давала въ результатѣ выигрышъ въ одни руки не менѣе полутораста, двухсотъ рублей, и то при полномъ хладнокровіи и разсчетливости игроковъ; при малѣйшемъ-же рискѣ, а тѣмъ болѣе азартѣ, проигрышъ и выигрышъ могъ принять тысячные размѣры. Ни банкъ, ни трынка какъ-то не клеились; игра шла вяло, робко: игроки сосредоточились на разсчетахъ, нерѣшительно вынимали ассигнаціи изъ бумажниковъ и тотчасъ-же прятали послѣдніе въ боковые карманы. Кудесниковъ-же всякій разъ, когда приходилось ему доставать листъ синей сахарной бумаги, въ которомъ хранились деньги и который исполнялъ у него обязанность портфеля, отворачивался отъ игроковъ и, стоя къ нимъ спиной, выбиралъ требуемую кредитку, точно распоряжался чужими капиталами или боялся, чтобъ ихъ отъ него не отняли. Такое далеко не масляничное настроеніе всего общества прежде всѣхъ обратило вниманіе Полосатина, которому окончательно не везло въ банкъ: каждую его карту Лекаревъ билъ съ опиковъ.

— Да что вы, братцы, онѣмѣли, что-ли? завопилъ онъ на всю комнату. — Сидимъ, словно молчальники! ни гласу, ни послушанія отъ васъ не слышно!

Нѣкоторые изъ игроковъ въ трынку на минуту вскинули глаза на Полосатина и вновь устремили ихъ на карты, соображая свое количество очковъ и шансы встрѣтить меньшее у противника.

— Нѣтъ, видно, съ вами надо по-свойски! продолжалъ онъ, вставая съ дивана.—Ты, Кузя, погоди талію-то метать, вотъ я съ мольчальниками расправлюсь, развяжу имъ языки-то. Ты, ратманъ, что не играешь? обратился Полосатинъ къ Даниловичу, который одинъ изъ всѣхъ гостей не принималъ участія въ игрѣ,

хоть и зорко слѣдилъ за ходомъ ея, сидя рядомъ съ Кудесниковымъ.

— Да что-то не охота, Андреичъ!..

— А вотъ я вамъ сейчасъ покажу охоту! перебилъ онъ Данилыча, подходя къ столу. Партія трынки кончилась, приходилось сдавать Кудесникову.—Стой ты, погоди сдавать! взявши колоды изъ рукъ послѣдняго и положивши ее себѣ въ карманъ, распоряжался Яковъ Андреевичъ.—Кто взялъ трынку?

— Я! отозвался одинъ изъ гостей.

— Вася! Тащи сюда рюмку коньяку, по-аппетитнѣй, пусть выпьетъ на радостяхъ. А вы всѣ, обратился онъ къ игрокамъ трынки,—обязаны выпить по стакану шипучки за то, что проиграли. Есть, Кузя, шипучка?

— Цѣлый ящикъ подъ столомъ стоитъ: замороженное и во льду, отвѣтилъ Лекаревъ.

— Важно! А тебя, Данилычъ, за то, что не играешь, назначаю виночерніемъ. Тащи сюда каждому по стакану, помогай Васѣ, да слѣди, чтобъ послѣ каждой партіи мой новый законъ соблюдался въ точности, а коли проглядишь — тебя одного за всѣхъ заставлю пить.

— Ахъ, ты чудило-мученикъ!.. Чего не выдумаетъ! Слонъ, слонъ и есть... Да ну тебя, давай карты-то! весело толковали гости.

— А вотъ выпьемъ вонще, тогда и отдамъ, а раньше ни-ни! Давай-ка, давай сюда бутылку-то... Разставляй стаканы-то... А, вотъ и коньякъ. Ну-ка, Господи благослови, начинай счастливецъ! бормоталъ Полосатинъ, подавая выигравшему большую рюмку коньяку, въ то время, какъ Данилычъ разставлялъ стаканы, а Вася раскупоривалъ бутылки шампанскаго. Выигравшій выпилъ.

— Это за то, что выигралъ, а теперь стаканчикъ шипучаго опрокинь для того, чтобъ не обыгрывать!

При общемъ хохотѣ и этотъ стаканъ, поднесенный Полосатинымъ къ самому рту выигравшаго, былъ выпитъ залпомъ.

— Вотъ это лихо!.. Это люблю! Теперь, Кузя, очередь за тобой. У меня по всѣмъ играмъ одинъ законъ. Вали!

Хохотъ усилился.

— Коли такой законъ для всѣхъ, нельзя! всѣ подъ зако-

номъ ходимъ! отвѣтилъ хозяинъ и вслѣдъ за проглоченной рюмкой коньяку вытянулъ тонкой струей весь стаканъ шампанскаго.

— Вотъ это въ правилѣ, какъ быть слѣдуетъ!.. Напослѣдокъ всѣ вопще по банку и по трынкѣ проигравшіе чокнемся да и выпьемъ па уру! Ну, у-р-ра! рявкнулъ весельчакъ, опрокидывая полный стаканъ въ свой огромный, почти не человѣческій ротъ, и пропуская эту порцію въ желудокъ однимъ глоткомъ.—Кто не выпьетъ, тѣмъ за воротъ вылью! прибавилъ онъ грозно, держа надъ головой опрокинутый дномъ вверхъ, пустой стаканъ.

Зная нравъ Полосатина, гости, подъ страхомъ приведенія въ исполненіе его угрозы, волей-неволей должны были до капли выпить вино.

— Хорошъ-ли мой законъ? Всѣхъ-ли правильно разсудилъ? буфонировалъ Яковъ Андреевичъ.—Ты, Вася, новые стаканы-то налей. А ты, виночерпій, смотри у меня зорко, не провинись, а то такой штрафъ наложу, что вотъ на этомъ самомъ диванѣ въ растяжку ляжешь!.. Вы, *присные*, законъ наблюдать строго, а то карты отберу!

Онъ бросилъ двѣ колоды картъ, спрятанныя у него въ карманѣ, обнялъ Лекарева и, поцѣловавъ его въ обѣ щеки, сказалъ:

— Вотъ всѣмъ ты взялъ, Кузька, а на это не гораздъ! Припасъ угощенья до пропасти, а угощать не умѣешь... Смотри-ка, какъ послѣ моего фортеля загалдятъ, любо-два! Ну, вали банкъ!

Гости усѣлись, игра возобновилась гораздо оживленнѣе. Посыпались остроты, проскакивало неизбѣжное русское крѣпкое словцо, ставка въ трынкѣ разомъ возросла до десяти рублей, понтеры ставили по сотнямъ.

— Эхъ ма, не хотѣлъ-было мѣнять, для отправки въ Питеръ приготовилъ, да ужь, видно, такой разъ! говорилъ Данилычъ, увлекшійся общимъ оживленіемъ и принявшій участіе въ трынкѣ, подходя къ Васѣ и подавая ему для размѣна на ассигнаціи пятитысячный пяти-процентный банковый билетъ.

Черезъ полчаса, когда Полосатинъ успѣлъ два раза повторить придуманный имъ фортель, общество степенныхъ купцовъ какъ-бы переродилось. Передъ каждымъ игрокомъ лежали кучи смятыхъ ассигнацій; одни ставили ихъ на карту чуть не горстями, другіе, пряча въ карманъ выигрышъ, часть его роняли на полъ.— Ты подъ меня съ четвертной? Та-акъ!.. Мирю, да подъ тебя

двѣ сотенныя. Что, сбрендилъ, не лю-ю-юбишь?! У меня тридцать восемь! Ахъ, ты волкъ тя зарѣжь — у меня тридцать семь очковъ. Тащи, твоя взяла! Львовичъ, ты зачѣмъ буркалы-то въ карты запущаешь?.. За это вѣдь вашему брату плохо бываетъ... Окснись, я деньги прячу!.. Вотъ что, *присные*, вали ставку по *четвертной*, не раззоримся. Ходитъ, въ кабалу не пойдемъ!.. Денегъ у насъ что-ль нѣтъ? неслись восклицанія изъ среды играющихъ въ трынку.—Кушь—тысяча... Три съ боку... уголъ на пе... Транспортъ съ кушемъ... Бита! Дано? Получите, не вывезла! Въ рожь тебя закопать!.. Пришлите. Разанафемское несчастье!—вали на все, что подъ картой! Васька, не зѣвай!.. Подлей шипучки-то! раздавались отрывочныя фразы надъ банковымъ столомъ. Всѣ эти крики, возгласы, звонъ стакановъ, хохотъ сливались въ одинъ безпрерывный, хаотическій, раздражающій нервы звукъ — гамъ, который, кажется, можно было осязать какъ тончайшую паутину,— такъ онъ густо наполнялъ и безъ того тяжелую, душную, жаркую и переполненую всевозможными міазмами, закупоренную кругомъ атмосферу комнаты. Со всѣхъ лицъ потъ лилъ ручьями; не особенно благообразныя отъ природы купеческія старческія физіономіи, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и безпорядка въ прическахъ, приняли каррикатурно-отвратительный оттѣнокъ; глаза свѣтились неестественнымъ блескомъ, отражавшимъ только одни ихъ животные инстинкты, и довольная улыбка выигравшаго и печальная мина проигрывающаго равно были омерзительны. Только перо Гоголя да развѣ кисть Теньера могли всецѣло произвести нѣкоторые моменты картины этой людской оскотѣлости, этого колосальнаго купеческаго безобразія. Пробило шесть часовъ и пиръ рязановскихъ степенныхъ капиталистовъ обратился въ какой-то неистовый бѣсовскій шабашъ. Одному изъ играющихъ въ трынку вздумалось затянуть извѣстную цыганскую пѣсню „Эхъ, Настасья!“, только въ редакціи неудобной для печати, впрочемъ, съ сохраненіемъ того-же припѣва; опьянѣвшее степенство подхватило ее хоромъ, зала огласилась ихъ старческими, дряблыми, сиповатыми голосами и въ довершеніе всего Полосатинъ, спустивши съ своихъ тучныхъ плечъ рубашку, выступилъ на средину комнаты и пустился въ плясъ, подражая во всѣхъ своихъ тѣлодвиженіяхъ пляскѣ цыганокъ. Если на человѣка съ неизвращеннымъ вкусомъ непріятно дѣйствуютъ эти вздрагиванія, зака-

тыванья глазъ, сладострастные подергиванія плечами въ прилично одѣтой, красивой цыганкѣ, то я предоставляю судить читателю, какое-бы онъ вынесъ впечатлѣніе при созерцаніи подражающаго ей въ пляскѣ полуобнаженнаго чудовища, какъ Полосатинъ!.. Но гости Лекарева, равно какъ и онъ самъ, пришли въ неописанный восторгъ. Шумнымъ крикамъ, стуку каблуками по полу, неистовому хохоту, отчаяннымъ аплодисментамъ не было-бы конца, если-бъ вдругъ не раздался довольно внятно частый, смѣлый стукъ во входную дверь. Лекаревъ первый услышалъ этотъ стукъ, поднялъ руку, и съ его тревожнымъ т-с-с-съ! весь гамъ и шумъ и пѣніе почти разомъ смолкли.

— Что-бы такое это значило? немножко измѣнившись въ лицѣ, спросилъ онъ, какъ-бы думая вслухъ.—Какая каналья смѣетъ вторгаться ко мнѣ?.. Васька, ступай, опроси черезъ дверь.

Всѣ гости смолкли и робко прислушивались, устремивъ глаза на переднюю, куда вышелъ Вася. Полосатинъ натягивалъ на себя рубашку.

— Кто? съ любопытствомъ спросили въ разъ нѣсколько лицъ, лишь Вася показался черезъ двѣ-три минуты въ дверяхъ передней.

— Дилекторъ, Карло Карлычъ стучитъ. Проситъ васъ, благодѣтель, видѣть, потому какую-то тилиграмму спѣшную получилъ, надо немедленно отвѣтъ посылать, докладывалъ Лекареву Вася.— Прикажете впустить?

Хозяинъ вопросительнымъ взглядомъ обвелъ гостей, какъ-бы желая знать предварительно ихъ мнѣніе.

— Пущай взойдетъ, чего тутъ!.. Не важно кушанье-то: колбасникъ, ферфлюхтеръ. По крайности потѣшимся! первый отозвался Полосатинъ.

— Для ча не войти? не молокососъ какой! Человѣкъ степенный, не болтунъ какой! Впустите! подватили многіе.

По знаку Кузьмы Терентьевича Вася отправился отпирать двери.

— А ужь и потѣшенъ-же у тебя, Кузя, этотъ нѣмчура. Пѣтухъ, какъ есть пѣтухъ! Больно я люблю его дразнить: разсердится—по-нашему-то ругаться не умѣетъ и бормочетъ по-нѣмецкому, а самъ весь-таки и надуется, помора!.. Вотъ смотрите, ужо какую я съ нимъ бесѣду поведу, животики надорвете. Да если

еще колбаса когда подвыпьетъ—театра не надо, смѣхота, обратился къ гостямъ Полосатинъ.

Въ комнату вкатился, словно шаръ, кругленькій человѣчекъ на коротенькихъ ножкахъ, съ полнымъ, мясистымъ, гладко выбритымъ лицомъ, цвѣта слегка зарумянившейся сдобной булки, на которомъ весьма рельефно красовался большой грушеобразный, красносизый носъ съ очками въ черепаховой оправѣ. Синія стекла очковъ, прикрывавшіе раскосость его водянистыхъ глазъ, гладко прилизанные височки низко остриженныхъ жидкихъ рыжеватыхъ волосъ, широкій старомодный галстукъ, изъ котораго торчали высокіе, чуть не подпирающіе ушей, туго накрахмаленные бѣлые воротнички, и немного выдавшаяся впередъ нижняя губа—придавали его физіономіи то рутинное выраженіе глубокой вѣры въ свою личную мудрость, бездну знанія и опытности, какое пріобрѣтаютъ лица нашихъ педагоговъ изъ нѣмцевъ послѣ двадцатилѣтняго преподаванія съ гимназическихъ кафедръ; филистерское выраженіе тупого самодовольства усвоилъ всей своей фигурѣ Карлъ Карловичъ съ той самой минуты, когда ему случайно удалось открыть способъ придавать необыкновенный блескъ, яркость и нелинялость краскамъ, употребляющимся для набивки ситцевъ; до этого счастливаго момента онъ былъ не болѣе, какъ старшій рабочій *колористъ*, т. е. составитель красокъ, на небольшой ситцевой фабрикѣ того-же Рязанова-Воскресенска, получавшій шесть сотъ рублей годового жалованья. Придавши этому новооткрытому способу характеръ личнаго, собственнаго секрета, сообразительный нѣмецъ объявилъ своему прежнему хозяину, что онъ можетъ остаться у него не иначе, какъ за три тысячи рублей въ годъ, объяснивъ при этомъ и всѣ выгоды своего открытія; хозяинъ, какъ истый старинный комерсантъ, врагъ всякихъ новшествъ и глубоко вѣрящій въ то, „что отцы и дѣды не глупѣй насъ были“, отказалъ Шютцу. Тогда послѣдній обратился къ Лекареву, который, похоронивъ отца, принялъ въ свои руки все фабричное дѣло, выстроилъ двѣ новыя фабрики и выписалъ усовершенствованныя машины; предложеніе это было принято Кузьмой Терентьевичемъ и черезъ пять лѣтъ лекаревскіе ситцы получили огромный сбытъ и крѣпкій кредитъ, конкурируя своимъ достоинствомъ и дешевизной съ произведеніями французскихъ ситцевыхъ фабрикъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ Карлъ Карло-

вичъ зовется главнымъ директоромъ лекаревскихъ фабрикъ, получая шесть тысячъ жалованья при полномъ готовомъ содержаніи.

— Gut Morgen, mein herr! проговорилъ директоръ, съ достоинствомъ подходя къ хозяину и протягивая ему руку.

— Здравствуйте, Карлъ Карлычъ! отвѣтилъ Кузьма Терентьевичъ, довольно вѣжливо пожимая протянутую ему руку, хотя въ голосѣ его слышались нотки неудовольствія.—Что за спѣшныя дѣла такія, что вы ночью безпокоите меня?

— Какой ночь! щепетильно возразилъ нѣмецъ. — Десять минутъ на седьмой... показывая свой золотой хронометръ, прибавилъ онъ.—Вотъ депешъ, читайть!.. Какъ ви хотить, скажить менѣ!..

Онъ небрежно вынулъ изъ бокового кармана телеграмму подалъ ее Лекареву, и, обратясь къ усѣвшимся игрокамъ въ трынку и стоящимъ около нихъ поптерамъ, съ значительной улыбкой произнесъ обычное gut Morgen, сопровождая его важнымъ поклономъ. Всѣ гости отвѣчали молчаливымъ поклономъ, но Полосатинъ подошелъ къ нему, дружески протянулъ руку и шутливо проговорилъ:

— А, Карлъ Карлычъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Здорово, пріятель! А мнѣ сказали, что ты крапкенъ былъ... все враки! Поцѣлуемся на радостяхъ, нѣмчура ты колбасная.

— А, за чѣмъ такъ цаловайть!.. Ну, глупство!.. Possen!.. Идить... Ah, fort weg!.. отбивался Шютцъ отъ объятій и поцѣлуевъ Полосатина.

— Постой! удержалъ Полосатина хозяинъ, прочитавши телеграмму.—Что-же, Карлъ Карлычъ, заказъ хорошій! Только поспѣемъ-ли къ сроку: три тысячи кусковъ—шутка сказать!.. какъ думаешь? совѣтовался онъ съ директоромъ.

— Отчего нѣтъ?.. Поспѣвайтъ... geviss!.. Я ручай, увѣренно отвѣтилъ Шютцъ.

— Боюсь, не нарваться-бы,—срокъ-то коротокъ, колебался Лекаревъ.

— Я ручай!.. что хотить?.. Schlechterdings!.. Своя честь ручай—bei meiner Ehre! энергически увѣрялъ нѣмецъ.

— Ну, такъ и разговору конецъ. Отвѣтимъ, что принимаемъ заказъ, пусть высылаютъ задатокъ. Такъ-ли?

— Ja, doch!.. Такъ, такъ!.. важно подтвердилъ Карлъ Карловичъ:

— Ну, послѣ этого, Карлъ Карлычъ надо выпить! весело проговорилъ Кузьма Терентьевичъ и, взявши Шютца подъ руку, подвелъ къ буфету. Полосатинъ послѣдовалъ за ними, предварительно подмигнувъ играющимъ.

— Я телеграмму самъ отправлю, ужь вы не безпокойте сегодня конторскихъ: послѣдній день праздниковъ, пусть гуляютъ, говорилъ хозяинъ, наливая два стакана шампанскимъ.

— Ты что это дѣлаешь? проревѣлъ надъ самымъ его ухомъ Полосатинъ.—Развѣ это порядки, развѣ такъ угощаютъ? человѣкъ только всталъ да чаю напился, ты его сейчасъ шампанскимъ... Э-эхъ, ты-ы! Мы съ Карломъ Карловичемъ все по закону сдѣлаемъ... Натощакъ перво-на-перво надо, Карло Карлычъ, шнапсъ тринкенъ, а? спрашивалъ онъ съ улыбкой у повеселѣвшаго отъ оказаннаго хозяиномъ вниманія Шютца.

— О, ja!.. wohl!.. Ви весельникъ! дружески потрепавъ по плечу Полосатина, произнесъ послѣдній.

— А послѣ шнапса солененькимъ или копчененькимъ закусить, ну а потомъ за рейнвейнъ можно взяться... Вотъ, милости прошу, по рюмочкѣ киршъ-вассеру, балагурилъ Яковъ Андреевичъ, наливъ три рюмки.

— На ваше здоровье! чокнувшись рюмками съ Лекаревымъ и Полосатинымъ, сказалъ нѣмецъ.

— Это выходитъ: тринкензи биръ, либензи миръ, по-латыни два алтына, а по-русски шесть копеекъ!.. Что, вѣдь гутъ? выпивши рюмку и прищелкнувши пальцами, паясничалъ Полосатинъ.—А вотъ родненькой-то колбаски... блютвурстъ первый сортъ... изъ Питера, отъ твоего дяденьки Шписа, прибавилъ онъ, подавая тарелку съ кровяной колбасой.

— О, ви... насмѣшки!.. благодушно помотавъ головой, принялся за колбасу Карлъ Карловичъ.—Wohl, gut!.. Отличный колбасъ!.. нахваливалъ онъ, смакуя во рту съ нѣмецкой аккуратностью.

— Повторимъ? подмигивая продолжалъ Полосатинъ.—По одной еще, а?

— Nein, danke sehr!.. Благодарствуйть... довольна!.. genug!..

— По одной, самой малюсенькой!.. за то что выпьемъ-то!.. Смотри, пѣмчура, кто это есть таковъ?

Яковъ Андреевичъ выбралъ изъ массы бутылокъ одну, на этикетѣ которой красовался портретъ Бисмарка.

— Бисмаркъ! вскричалъ одушевляясь Шютцъ, — нашъ перва министръ... О, великъ шеловѣкъ... Genius!

— То-то! вотъ за его здоровье и хватимъ, а?

— На его здоровья—можно!.. Heil Euch, allgewaltiger Bismarck!.. торжественно произнесъ Карлъ Карловичъ, выпивая рюмку.

— Мо-ло-децъ, Карлуша!.. А вотъ витчинка, настоящая вестфальская, отъ дѣдушки твоего Эрбера, шутилъ Полосатинъ, предлагая ветчину.

— Вестфальскій?.. In Wahrheit, а? шутить!.. недовѣрчиво пробуя ветчину, воскликнулъ Шютцъ.—О, ja!.. настоящій деликатессенъ!..

— То-то, расчухалъ жратву-то родную колбасникъ... даже въ лицѣ измѣнился—обрадовался! любуясь апетитомъ нѣмца, въ полголоса проговорилъ Яковъ Андреевичъ, обратясь къ гостямъ.— Что-же, братія, продолжалъ онъ громко,—али мой законъ забыли?.. Данилычъ, ты чего смотришь!.. Э-э! да онъ самъ козыряетъ... Кончайте кругъ да идите сюда, выпьемъ всѣ вообще за здоровье Карла Карлыча... Вася, тащи стаканы да наливай шампанеи, а мы тѣмъ временемъ съ тобой, Карлуша, іоганнисберргцу по стакашку пропустимъ.

— Ты ужь тутъ усѣлся и объ игрѣ забылъ! подходя къ столу, проговорилъ Подъёхинъ.—Будемъ-ли играть-то?

— Ишь у тебя загорѣлось! Видишь, Кузя телеграмму строчитъ; карты отъ насъ не уйдутъ, а съ хорошимъ человѣкомъ рѣдко приходится выпить... Садись-ка пока съ нами, тяпнемъ ренскова, Антипычъ!

Полосатинъ подвинулъ стулъ, который и занялъ Савва Антиповичъ.

— Ужь какъ я этихъ нѣмцевъ люблю—страсть!.. Все у нихъ цирлихъ, манирлихъ, ганцъ-аккуратъ. Вотъ хошь-бы взять Карла Карлыча: душа человѣкъ, одно слово — золото! издѣвался Полосатинъ.

— О-о! danke sehr! довольнымъ тономъ протянулъ Шютцъ.

— Народъ аккуратный! поддакнулъ Подъёхинъ.

— Одного жаль, не долго намъ, русскимъ, съ вами, нѣмцами попировать осталось, вотъ бѣда! съ печально-серьезной миной, задумчиво проговорилъ Яковъ Андреевичъ.

— Warum нѣтъ? Vas ist das? Что такой значитъ? съ любопытствомъ спросилъ Шютцъ.

— Ну, чего притворяешься, будто не знаешь?! Оно хошь и въ секретѣ держится, да вы, чай, нѣмцы, пронюхали, новость-то.

— Ничего не знайть, какой новость, скажить мнѣ! нѣсколько тревожно спросилъ Карлъ Карловичъ собесѣдника.

— Полно притворяться-то, говорю, не на таковскихъ напалъ. Онъ не знаетъ! Что дурака-то ломаешь?

— Никакой дуракъ! Я правду сказалъ — ничего не знайтъ, bei meiner Ehre! горячился заинтерисованный нѣмецъ.

— Ну, а коли не знаешь, значитъ и разговаривать нечего, опорожняй-ка стаканъ, я новаго подолью... Хитеръ ты, нѣмецъ, а мы сами съ усами, насъ не поддѣнешь; нѣтъ, шалишь, не одурачишь! ломался Полосатинъ, доливая стаканъ рейнвейномъ.

— So wahr ich lebe! Умирайть тутъ — я ничего не знай... Пожалюста, скажить мнѣ.

— У тебя сколько дѣтей? внезапно и рѣзко спросилъ Яковъ Андреевичъ.

— Ну, три дѣвицъ... Какой дѣлъ до фрейленъ?

— Такъ и простись съ ними... Адью, молъ, дѣтушки, не видать мнѣ васъ больше, какъ вчерашняго дня!.. Вотъ какой секретъ!

— Warum?! воскликнулъ Шютцъ, раскрывъ широко глаза и смотря изумленно черезъ очки.

— Да полно тебѣ пугать-то: можетъ, все перемѣнится, вставилъ какъ-бы серьезно Подъёхинъ.—Вѣдь онъ, я думаю, отецъ, а ты сразу...

— Перемѣнится, держи карманъ, когда ужь и указъ подписанъ; съ новаго года всѣхъ нѣмцевъ велѣно... Тьфу, ты пропасть, чуть не проговорился! плюнувъ, оборвалъ свою рѣчь Полосатинъ.

— Что такой? новый годъ!... Я ничего не понимай... какой указъ? скажить мнѣ! Что секретъ! окончательно встревоженный, дрожащимъ голосомъ упрашивалъ Карлъ Карловичъ своихъ собесѣдниковъ.

Съ понятіемъ объ указѣ въ его умѣ соединялось представленіе о распоряженіи, грозящемъ несчастіемъ всѣмъ нѣмцамъ вообще и ему въ особенности. Дѣло въ томъ, что когда во время послѣдней прусско-французской войны иностранные подданные изъ нѣмцевъ, проживающіе въ Россіи, были потребованы чрезъ посольство на родину, то рязановская полиція по ошибкѣ заявила такое требованіе нашему пятидесятилѣтнему Карлу Карловичу Шютцу, хотя въ бумагѣ значился двадцати-трехлѣтній Карлъ Карловичъ Шютцъ, проживающій въ Рязановѣ-Воскресенскѣ. Хотя недоразумѣніе черезъ два дня объяснилось, когда требуемый Карлъ Карловичъ отыскался въ лицѣ браваго бухгалтера одной рязановской банкирской конторы, но нашъ директоръ перепугался до болѣзни и немедленно принялъ русское подданство. Вотъ причина, почему такъ тревожно интересовался онъ секретомъ Полосатина.

— Я-бы, братъ, пожалуй, и сказалъ тебѣ секретъ, да не знаю, какъ вотъ Кузьма Терентьичъ на это взглянетъ, отвѣтилъ послѣдній. — Кузя! можно твоему директору про секретъ-то насчетъ нѣмцевъ разсказать? Какъ ты думаешь—ничего? серьезно спросилъ онъ Лекарева.

— Карлу Карловичу говори: онъ свой человѣкъ, такъ-же серьезно отозвался тотъ, подсаживаясь къ буфетному столу.

— Коли такъ, изволь; только уговоръ лучше денегъ—никому изъ нѣмцевъ объ этомъ ни слова, слышишь? началъ Полосатинъ.

— Nein, nein! Совѣсть мой... Billigermaszen!.. увѣрялъ Шютцъ.

— Ладно, вѣрно!.. Только и ты намъ здѣсь одну штучку покажи.

— Какой штукъ? подозрительно спросилъ директоръ.

— Да ты не бойсь, вѣдь я не способъ твой прошу открыть, а вотъ здѣсь, не выходя изъ комнаты, всѣмъ намъ одну штуку показать. Тебѣ это ничего не стоитъ, настаивалъ Яковъ Андреевичъ.

Нѣмецъ задумался.

Въ это время съ хохотомъ подошли къ буфетному столу игроки въ трынку.

— Вотъ, Яковъ Андреичъ, счастье-то человѣку! На тридцати очкахъ трынку въ восемсотъ рублей взялъ! прямой котъ! проговорилъ Данилычъ, указывая на Силу Львовича.

— А ты чего на тридцати-шести струсилъ, а? перебилъ его Кудесниковъ.

— Законъ исполнилъ!.. Въ круговую!.. Вали братія! Начинай выигрышъ! раздались голоса прочихъ игроковъ и опять шампанское полилось въ стаканы.

— Ну, скажить мнѣ, какой штукъ вамъ показайть? я готовъ... Ви хотить знайть мой фокусъ-покусъ на пятьдесятъ-два картъ. Я вамъ всѣмъ будить объяснять! подъ общій говоръ гостей, окружившихъ буфетный столъ, обратился къ Полосатину вполголоса Шютцъ.

— Я знаю, что ты отлично на картахъ фокусы дѣлаешь, да не въ томъ дѣло. Видишь, ты, нѣмецъ, какой хитрый! я тебѣ хочу по душѣ секретъ открыть, а ты мнѣ не довѣряешь! убирайся, не хочу я съ тобой говорить! какъ-бы обиженно произнесъ Полосатинъ и отвернулся отъ него.

— Ну, я согласна... только ви благородный шеловѣкъ, не будить мнѣ заставляйть карты играть и напивайть, скажить мнѣ?

— Я вѣдь тебѣ говорю, что тебѣ эту штуку показать ничего не стоитъ, пять минутъ—и готово. Фокусъ-ли показать или что другое—тамъ увидишь!

— Ну, gut, я согласна! рѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ Шютцъ.

— Честное слово? спросилъ Полосатинъ, протягивая руку.

— Честный слово... Bei meiner Ehre! крѣпко сжавъ руку, подтвердилъ Карлъ Карловичъ.

— Братіе, будьте свидѣтелями! обратился къ гостямъ Полосатинъ.—Нѣмецъ далъ слово, честное слово, что покажетъ намъ штуку, если я ему новость, знаете, ту... объ указѣ-то разскажу.

— Всѣ мы свидѣтели! еще-бы! разсказывай! Говорите, Яковъ Андреичъ! съ шумомъ откликнулись гости, усаживаясь окого него въ ожиданіи обѣщанной потѣхи.

— Да ужь говорить-ли? Я боюсь, чтобъ Карлъ Карловичъ не разсказалъ кому—бѣда моя тогда! съ самой серьезной миной ломался Полосатинъ.

— Ich sage--nein! Вы мене обижайть... я давалъ честный словъ... Grosser Gott! обидѣлся директоръ.

— Говори, я ручаюсь—не разскажетъ! замѣтилъ хозяинъ.

— Ну, коли такъ — ладно! Видишь, Карлъ Карлычъ, въ

чемъ дѣло-то все. Вашего брата, нѣмца, началъ серьезно-таинственнымъ тономъ Яковъ Андреевичъ,—къ намъ пріѣзжаетъ видимо-невидимо изъ-за-границы...

— O, ja, ja... wohl! es ist wahr! бормоталъ про себя Карлъ Карловичъ.

— Ну, и многіе совсѣмъ у насъ въ Россіи остаются и подданство принимаютъ, вотъ, какъ ты, а другіе наберутъ, награбятъ денегъ, да маршъ назадъ въ нѣметчину,—вѣдь вѣрно?

— So, so! правда, es ist wahr! подтвердилъ Шютцъ.

— А вѣдь отъ этого и намъ не прибыль, и вамъ не барышъ, потому хоть ты и остаешься, къ примѣру, у насъ, а какая отъ тебя отечеству корысть? деньги ты русскія кровныя бережешь, въ нашу вѣру нейдешь, одно чужое мѣсто занимаешь; не будь тебя, нѣмца, у Кузи былъ-бы директоръ русскій и народилъ-бы онъ дѣтей православныхъ, и пошли-бы дѣти комерціей заниматься, а отъ тебя что? какъ отъ козла — ни шерсти, ни молока.

— Vas ist das козелъ? Почему ein Ziegenbock? вспыхнулъ Шютцъ.

— Чего ты нѣтушишься-то? Это не про тебя; я къ примѣру говорю.

— O, да! я понимай! примѣръ... zum Beispiel, ja! успокоился нѣмецъ.

— Да, къ примѣру, продолжалъ Полосатинъ;—вѣдь если-бъ ты былъ у себя въ нѣметчинѣ, ты съ своимъ секретомъ-то да съ теперешнимъ капиталомъ, какой у насъ въ Россіи заработалъ, какую пользу своему отечеству предоставилъ-бы,—понимаешь?

— O, ja! das Vaterland! отечество... я понимай сё, отозвался нѣмецъ.

— Вотъ, чтобъ вы, нѣмцы, изъ своей стороны къ намъ не бѣгали, и придумали законъ новый, чтобъ всѣхъ васъ, нѣмцевъ, которые въ подданствѣ русскомъ, выселить въ Ташкентъ, а которые временно живутъ, тѣхъ воротить домой, а коли не хотятъ, переслать въ Сарепту,—такой городъ есть въ саратовской губерніи, гдѣ колонисты живутъ, горчицу дѣлаютъ,—понялъ?

— Сарепта я знайть! aber was ist das, dieses Ташкентъ? Я не понимай! Что такой? спросилъ Карлъ Карловичъ, обводя все общество недоумѣвающимъ взглядомъ.

— А это, братецъ ты мой, такой городъ есть въ степи, тысячъ шесть верстъ отсюда, а можетъ и поболѣ... Мы недавно завоевали... а живутъ тамъ разные бухарцы да татары; лошадину и всякую падаль ѣдятъ, объяснилъ ему разскащикъ.—Ѣздятъ на верблюдахъ; ни постовъ никакихъ, ни Бога не знаютъ.

— О, Passen! Глюпство!.. Ви мене, какъ дуракъ! воскликнулъ было директоръ, завидѣвъ на лицахъ слушателей улыбки.

— Слушай дальше-то! перебилъ его Полосатинъ: — и велятъ васъ, всѣхъ нѣмцевъ, одѣть въ халаты, головы выбрить, а женъ вашихъ и дочерей одѣнутъ въ штаны да на верблюды посадятъ...

Гости не выдержали и раздался оглушительный хохотъ.

— Ахъ, ты, слоновая сила, чего не выдумаетъ! дружески сказалъ Кудесниковъ, трепля по плечу Полосатина.

— И разсказываетъ-то словно по-печатному... помора! прибавилъ Данилычъ.

— Нѣтъ, онъ-то, онъ въ халатѣ да съ бритой головой... Картина, ха-ха-ха! заливался Подъёхинъ.

— Чего орете? крикнулъ серьезно разскащикъ. — Развѣ не правда?

— Правда!.. Вѣрно!.. Истинно!.. весело откликнулись нѣсколько голосовъ.

Карлъ Карловичъ сначала покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ; онъ видимо терялся, какой смыслъ и значеніе придать этой шуткѣ: обидѣться-ли или принять самому участіе въ общемъ глуподобродушномъ смѣхѣ всѣхъ гостей.

— Что, братъ, напугалъ тебя нашъ слонъ своимъ указомъ? весело замѣтилъ хозяинъ.—Выпьемъ-ка стаканчикъ за его здоровье.

— Gern... gut, ха-ха-ха! Я знайтъ, онъ весельникъ, Spassmacher! ха-ха-ха! проговорилъ Шютцъ, переходя отъ молчанія къ насильственному смѣху.—На ваше здоровье, весельникъ! прибавилъ онъ, выпивая стаканъ и вставая со стула.—Danke sehr, meine Herren... Прощайть, господа, я долженъ на домой ходить!

— Э-э, братъ, нѣмчура! Такъ не дѣлаютъ у насъ... Далъ честное слово штучку показать, а теперь лыжи востришь; я не пущу, садись-ка, садись! заоралъ Полосатинъ.

— Нехорошо; надо показать! Ужь давши слово — крѣпись! На утекъ—не годится! поддакивали гости.

— О, ja, ja! Давайти картъ, я вамъ будитъ фокусъ-покусъ показать! храбрился Карлъ Карловичъ, снова опускаясь на стулъ.

— Нечего хитрить-то, нѣмецъ: фокусы-то мы твои видали; ты вѣдь далъ слово штучку показать, а теперь фокусами хочешь отдѣлаться, перебилъ Полосатинъ.

— Ну, гутъ! скажить, какая штучка я будитъ показать?

— Дѣло! весело началъ Яковъ Андреевичъ, обращаясь къ столпившимся около него гостямъ.—Вы знаете, *присные*, что у всякаго нѣмца, какой-бы онъ тамъ ферфлюхтеръ ни былъ, на спинѣ хвостъ есть? Вотъ ты намъ и покажи эту штучку, свой-то хвостъ.

Неудержимый взрывъ хохота всего общества покрылъ эту новую выдумку Полосатина. Данилычъ даже присѣлъ на полу, вскричавъ:

— Вотъ те разъ! знай нашихъ!

— Кажи, кажи, нѣмецъ, хвостъ! прорывались требованія среди пьяныхъ рукоплесканій.

Шютцъ, точно ужаленный, вскочилъ моментально на ноги, блѣдный, какъ полотно, съ сверкающими отъ гнѣва раскосыми глазами; онъ взглянулъ сначала на хозяина, потомъ обвелъ такимъ-же взоромъ всѣхъ гостей и дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Pfui... О, wie garstig!.. Такій почтенный господъ... и такій хочетъ... pfui!.. хвостъ!.. гадки, pfui!..—Онъ плюнулъ и отправился съ дверямъ.

Хохотъ усилился.

— Нѣтъ, братъ, такъ не уйдешь! вскричалъ Полосатинъ, заграждая ему дорогу.

— Fort, weg! просипѣлъ Шютцъ, задыхаясь отъ гнѣва. — Давай дорога, а то Kopf weg, голова прочь! совершенно безсознательно, не видя передъ собой никого, замахнулся онъ на Полосатина.

Эта выходка обезумѣвшаго отъ злобы нѣмца не только не возбудила ни въ комъ сожалѣнія, но, напротивъ, подлила масла въ огонь: всѣ гости загогойкали, забили въ ладоши, а самъ хозяинъ, вмѣсто того, чтобы остановить такъ далеко зашедшую и безъ того плоскую шутку, покатывался со смѣхомъ на диванѣ, приговаривая:

— Ай, умру!.. слонъ и моська!.. Ой, уморилъ!..

Полосатинъ съ хохотомъ быстро схватилъ одной рукой Шютца поперегъ туловища и поднялъ его высоко надъ головой.

— Нѣтъ, фефлюхтеръ, драться не годится: у насъ за это въ кутузку сажаютъ. Кажи свой нѣмецкій хвостъ добровольно, а то силой заставлю! говорилъ онъ, держа Карла Карловича на воздухѣ.

— Helft! Кузьма Тереньть... zu Hilfe! Помогайть! прокричалъ несчастный, вырываясь изъ здоровыхъ лапъ Полосатина и потомъ, видя одни безумно смѣющіяся, опьянѣлыя лица, разразился громкими рыданіями.

Этотъ внезапный переходъ отъ крика къ воплю подѣйствовалъ на опьянѣлыя головы безобразниковъ: хохотъ смолкъ и самъ Полосатинъ, какъ-бы устыдясь своей продѣлки, опустилъ на ноги рвавшагося нѣмца. Нѣсколько мгновеній въ комнатѣ царствовало молчаніе. Измятый, съ оторванной полой сюртука, съ вклокоченными волосами, безъ очковъ, блѣдный, дрожащій и рыдающій, стоялъ Карлъ Карловичъ, закрывъ лицо обѣими руками.

Первый опомнился Кузьма Терентьевичъ, всталъ съ дивана и подошелъ къ молча рыдающему Шютцу.

— Полно, Карлъ Карловичъ, не огорчайся! вѣдь съ тобой шутятъ, началъ было онъ ласково.

— Fort! Weg!.. осиливъ рыданія, отчаянно прервалъ его директоръ.—Ви... свинь... Я десять лѣтъ... мой у васъ директ... и ви позволяйть... О, schön gut!.. Ви срамить!.. мене рвалъ...— Онъ показалъ на оторванную полу.

— Карлъ Карлычъ! началъ было Лекаревъ.

— Weg! Schweig! Я теперь знайть мой патронъ! es soll dir über becommen! вновь перебилъ Шютцъ.—Warte nur! Я вамъ будить показайть нѣмецкій хвостъ... Pfui вамъ!.. плюнувъ и погрозя пальцемъ, онъ, какъ безумный, выбѣжалъ въ переднюю.

Безмолвный впродолженіи всей этой этой сцены Вася направился вслѣдъ за Карломъ Карловичемъ въ переднюю, чтобъ выпустить его, проговоря на ходу:

— Вотъ ехидный-то, настоящій Лютеръ!

— Именно, что Лютеръ; зелье заморское! подхватилъ Полосатинъ.—Кузя, ты чего нахмурился? али и пужался? Важно кушанье—нѣмецъ паршивый разобидѣлся! Ему-же хуже: губа толще—брюхо тоньше! Ну-ка, саданемъ шипучки, да и за дѣло!..

Эхъ-ма! тряхнувъ волосами, весело прибавилъ онъ, обнявъ Лекарева.—Еще поживемъ; двухъ смертей не бывать, одной не миновать; выпьемъ!

— А и то выпьемъ! Ну, его... даже въ потъ ударило, какъ онъ заревѣлъ. Я думалъ, не повредилъ-ли ты его какъ, чокаясь съ пріятелемъ, отвѣтилъ хозяинъ.

— Со злости это, Кузьма Терентьичъ... это вѣрно! Они, собаки, эти нѣмцы презлющіе. Вонъ у меня куфарка этакая-же: съ судомойкой свяжется когда ругаться—страсть! Чуть ея не беретъ—сейчасъ голосить. Ну, сердце-то и сорветъ! увѣрялъ Кудесниковъ.

— А вотъ что, *присные*, чтобъ нашей компаніи на двое не разбиваться, не составить-ли столы, да всѣмъ вопще по банчишку пройтись, оно веселѣе! предложилъ хозяинъ.

— Еще-бы, ходитъ! Передвигай, братцы! командовалъ Яковъ Андреевичъ.—Да и за закономъ моимъ наблюдать удобнѣе—ужь тогда никто не отлынитъ.

— Звѣрь, а не человѣкъ! змѣя ехидненская... одно слово, гремучій змѣй! входя въ комнату, не обращаясь ни къ кому особенно, вслухъ проговорилъ Вася.

— А что? спросилъ Полосатинъ.

— Сипомъ сипитъ! Скажетъ слово-то по-своему да засипитъ; Ехидна! зубами даже скрипитъ.

— Вотъ тебя-бы на дочкѣ его женить—говорятъ, такая-же колбасница, трунилъ Яковъ Андреевичъ.

— Тьфу, тьфу! Эллины премудрости ищутъ, іудеи знаменія ждутъ, а мы вѣримъ во Христа распятаго! неизвѣстно къ чему произнесъ Вася, отплевываясь и садясь около *размѣну*.

Гости усѣлись около сдвинутыхъ столовъ. Мѣсто банкомета занялъ Полосатинъ.

— Ну-те-ка, *присные*, рвите банкъ! Безъ гроша шесть тысячъ наличными. Двѣ копейки уваженія къ моему убожеству! острилъ онъ, вываливая изъ бумажника безъ счета всѣ находящіяся въ немъ деньги. Гости весело выбирали понтерки, игра и пьянство пошли своимъ чередомъ.

Къ тремъ часамъ дня, четырехмѣстный возокъ, развезшій почти безчувственныхъ гостей подъ родные кровы, тихо въѣзжалъ на просторный дворъ роскошныхъ палатъ Лекарева. Въ завѣт-

номъ кабинетѣ, лицомъ вверхъ, въ растяжку, безъ подушки, на турецкомъ диванѣ лежалъ Полосатинъ, храпя и сопя, какъ стосильный паровикъ; хозяинъ опочивалъ въ своей парадной спальнѣ, а потому всѣ домашніе ходили на цыпочкахъ и молчаніе, царившее въ домѣ, нарушалось единственно въ образной монотоннымъ чтеніемъ псалтыря гнусившихъ дѣвокъ читалокъ.

Заунывно и печально разносится великопостный церковный звонъ по опустѣлымъ, безлюднымъ улицамъ Рязанова-Воскресенска. На небѣ пасмурно. Изъ сѣро-свинцовыхъ тучъ немилосердно вываливается на землю какая-то мерзость, нѣчто среднее между дождемъ и снѣгомъ. Изрѣдка по главной улицѣ протащится извощикъ, хляская ободранными санями по размятому, побурѣвшему снѣгу. Кой-гдѣ промелькнутъ, точно изъ земли выростутъ, фигуры разстерзаннаго и растрепаннаго халатника-мастероваго или оборваннаго фабричнаго и юркливо изчезнутъ за дребезжащими дверями заведенія. Изъ дальнихъ улицъ и переулковъ торопливо семенятъ своими старческими ногами разныя салопницы, городскія кумушки, богомолки, спѣша во храмы божіи, чтобъ съ чистаго понедѣльника начать свое обычное говѣнье,—недѣльное замаливаніе грѣховъ за цѣлый годъ. На паперти единовѣрческой церкви кучкой стоятъ нищіе въ ожиданіи пріѣзда какого-нибудь щедраго *приснаго*, выставляя на показъ свои изувѣченныя руки и ноги или лохмотья одежды, чрезъ которыя бьетъ въ глаза посинѣвшее отъ холода живое человѣческое тѣло. Глубоко охаютъ и рѣзко свистятъ послѣ недѣльнаго отдыха паровики фабрикъ, а безобразно длинныя и высокія трубы извергаютъ цѣлыя тучи тяжелаго дыма, который волнообразно колеблется въ сыромъ воздухѣ, заражая его запахомъ чего-то горько-промозглаго, какой-то гнилой изгари. Страшно бьютъ по уху и болѣзненно щемятъ сердце непривычнаго человѣка эти пронзительные фабричные звуки среди безлюдной сонливости, уличной пустоты и общей мертвенности Воскресенска.

Къ восьми часамъ утра на всѣхъ фабрикахъ Воскресенска шла обычная будничная работа; только на одной лекаревской мануфактурѣ происходило что-то странное. Хотя десятки трубъ

нескончаемыхъ, тянущихся чуть не на цѣлую версту, каменныхъ фабричныхъ корпусовъ исправно дымили, но непрестанный ревъ и свистъ выпускаемаго пара, который бѣлесоватой тучей висѣлъ надъ массой фабричныхъ зданій, говорилъ опытному глазу о чемъ-то исключительномъ, недобромъ, тѣмъ болѣе, что чрезъ рѣшетчатые затворенные ворота виднѣлся громадный фабричный дворъ, переполненный ничего не дѣлающими рабочими, которые, разбившись на кучки, человѣкъ по двадцати-тридцати, жарко о чемъ-то спорили и громко трактовали. Въ глубинѣ-же двора у крыльца одно-этажнаго каменнаго дома, гдѣ жилъ главный директоръ, сплошной стѣной столпились фабричные, съ любопытствомъ заглядывая въ окна дома и стараясь черезъ опущенныя бѣлыя сторы проникнуть взоромъ въ скрытыя комнаты. У входной калитки, запертой на замокъ, стояли двое дюжихъ дворниковъ съ дубинами въ рукахъ и, вмѣсто обычнаго занятія своего — осматривать съ ногъ до головы каждаго выходящаго работника, сладко позѣвывали, охраняя и безъ того запертый входъ на дворъ.

— Шестой десятокъ на этой самой фабрикѣ, братцы вы мои любезные, работаю и этакой оказіи ни разу не бывало, ораторствовалъ въ кучкѣ фабричныхъ сѣдой старикъ.—Еще началъ я работу-то при дѣдушкѣ покѣшняго, при Кузьмѣ Сидоровичѣ; тогда малость самая и машинъ этихъ мудреныхъ была, а все такого разу не объявлялось. И что за притча такая? Карло Карлычъ изъ дому не выходитъ, машины готовы почитай съ третьяго часа, только даромъ дрова жгутъ, да на вѣтеръ паръ выпущаютъ. Чудеса!

— *Самъ*, чу, безъ себя не велѣлъ работу зачинать... *самого* ждутъ отозвался изъ кучки здоровый парень въ поскольномъ халатѣ съ масляничнымъ фонаремъ подъ лѣвымъ глазомъ.

— Зачѣмъ *самому* быть, любезный ты человѣкъ! размышлялъ вслухъ старикъ.

— Хоша-бы торжество, что-ли, какое у насъ на фабрикѣ сегодня готовилось, али молебенъ какой—ничего этого нѣтъ... Они, Кузьма Тереньтьичъ, при такихъ случаяхъ только и бываютъ, раза два въ цѣльный годъ... Нѣтъ, тутъ, надо полагать, другое что...—Старикъ сдѣлалъ таинственную мину и понизилъ голосъ.— Слышалъ я, други милые, стороной, отъ писарька одного—при

слѣдователѣ онъ служитъ, по письменной части состоитъ,—такъ онъ сказывалъ, что яко-бы вступила на нашего-то жалоба отъ всѣхъ фабрикантовъ ситца, что краску мы дѣлаемъ не по закону, а въ секретѣ, и что секретъ этотъ-самый беззаконный, потому идетъ отъ нѣмца нехрещеннаго, нашего-то дилехтора, Карлы Карлыча; и сыплетъ онъ въ эту краску адскій корень да ефіопную траву, зелье треклятое, курево идольское, и кто, чу, дружки мои, нашъ ситецъ на себѣ поноситъ, сичасъ въ немъ вѣра православная заслабѣетъ и учнетъ онъ всякую моду подражать, непоказанныя платья съ хвостами длинными шить и въ соблазъ впадетъ... такъ-то, миленькіе!

— А что-жь, дѣдушка, это истинно! вставилъ замѣчаніе одинъ изъ слушателей.—Вонъ у меня золовка: она замужемъ за прикащикомъ Кудиновымъ, по мучной части; пришелъ я къ ей этто на масляной въ гости; выкатила она къ намъ изъ спальни; я такъ и ахнулъ—хвостище по полу-то чуть не на сажень волочится, а на заду-то напутано, напутано; складокъ—страсть!... гляжу, нашъ ситецъ — первый сортъ. Что, молъ, это золовушка хвостъ-то за собой волочешь? Мода, говоритъ, такая. А на что, молъ, на заду-то наверчено. А, тоже, говоритъ, по-модному, никакъ панья, что-ли, называется. А сама такъ и крутитъ и крутитъ передъ зеркаломъ, и передомъ-то она и задомъ-то обернется и съ боку-то на себя поглядитъ... срамота!... Какъ-бы, кажись, воля только—и ободралъ-бы съ нее всю эту моду бѣсовскую!...

— Что говорить, ужь эта мода до добра не доведетъ! подхватилъ угрюмый старикъ въ новомъ полушубкѣ.—Вонъ я нонѣ на площадь-то къ кругу подошелъ, такъ диву дался: куда ни обернусь—все пальто, да брюки на выпускъ; иной прикащишка, цѣна-то ему вся грошъ,—нѣтъ, чтобы чуечку новенькую обрядить али сибирку сшить, сейчасъ на выхвалку въ пальтѣ гуляетъ и тросточкой подпирается; тоже проборъ себѣ на бокъ расчешетъ, бороду по-козлиному подстрижетъ, космы свои подовьетъ,—чисто икона звѣрина съ образомъ сатанинскимъ!

— Ахъ вы, сталовѣры необразные! раздается голосъ фабричнаго франта въ сюртукѣ съ дырами, потертой жилеткѣ съ блестящими пуговицами и въ фуражкѣ на бекрень.—Послушать васъ—такъ уши вянутъ!... Али-бы, по-вашему, нашему брату изъ сапоговъ

въ лапти обуться... Нѣтъ шалишь, поищи подешевлѣ, дороже себѣ стоитъ! Пустивъ клубъ дыму чуть не въ лицо старика изъ дымящейся во рту папироски и подпершись фертомъ, фабричный-щеголь съ пренебреженіемъ отошелъ отъ кучки, напѣвая въ полголоса тонкой фистулой.

Я люб-б-била ино ярчи дня и огня...

— Ишь, окаянный! грозно сверкнувъ глазами и отмахиваясь отъ дыма, пустилъ ему вслѣдъ угрюмый старикъ.

— Такъ вотъ, такъ я и мѣкаю, други любезненькіе, продолжалъ свои догадки первый старикъ,—что начальство и требованитъ отъ *нашего*, объясни, молъ, намъ въ точности каку таку краску твой дилехторъ составляетъ? Ну, значитъ, *нашъ* долженъ знать все какъ есть до капли, что у него на фабрикѣ дѣлается, чтобъ передъ судомъ отвѣтъ держать; ну, и задумалъ *самъ* все составленье этой краски при себѣ видѣть, а нехристь-то нашъ Карла-то Карлычъ, не повинуется, потому это, говоритъ, мой секретъ... Вотъ она запинка и вышла... Почитай аблокатъ-то Переверзинъ у нѣмца нашего съ часъ запершись сидитъ, вонъ и лошадь его у воротъ стоитъ.—Старикъ указалъ пальцемъ по направленію воротъ, у которыхъ, дѣйствительно, стоялъ запряженный въ дорогіе сани подъ медвѣжьей полостью сѣрый въ яблокахъ рысакъ, нетерпѣливо роя копытомъ грязный снѣгъ.

— Вонъ что, дѣдинька, баютъ робята, вслушавшись въ послѣднія слова старика вставилъ свое словцо красивый малый съ чуйкой въ накидку на плечахъ, безъ картуза, съ цѣлымъ стогомъ кудрей на головѣ:—хозяинъ-то нашъ, чу, *панкротъ*... Пропали тогда наши головушки—гдѣ работу найдешь!

— Брешутъ, съ чего ему *панкротомъ* объявиться, слава тебѣ Господи, въ капиталѣ! Враки!.. Пустое!.. Дѣло небо деретъ, а *онъ* вдругъ *панкротъ*!.. Скулы, видно, у того зачесались, кто этакія слова говоритъ. Ахальникъ народъ! раздались возгласы стариковъ.

На крыльцѣ директорскаго дома показалась довольно видная фигура въ высокой боярской собольей шапкѣ и ильковой шубѣ; за ней тотчасъ-же захлопнулась входная дверь и заперлась на замокъ. Говоръ въ толпѣ замолкъ; старики не всѣ, за то молодые фабричные, точно по командѣ, какъ одинъ человѣкъ сняли шапки, встрѣчая поклонами проходящаго по двору адвоката Пе-

реверзина—мѣстную знаменитость, о дѣятельности котораго узнаетъ всякій проѣзжающій по рязаново-воскресенской желѣзной дорогѣ изъ печатныхъ рекламъ-объявленій, во множествѣ прибитыхъ на станціяхъ и на стѣнахъ вагоновъ. Съ сознаніемъ собственнаго достоинства, величаво проходилъ этотъ рязановскій Цицеронъ среди россійскаго плебса, снисходительно приподымая свою богатую шапку въ отвѣтъ на почтительныя привѣтствія.

— А что, ваше высокородіе, обратился къ нему, снимая шапку и низко кланяясь, знакомый намъ старикъ въ рваной поддевкѣ,—почему такая у насъ запинка произошла?

— А тебѣ хочется скоро умереть, старикъ, кости покоя просятъ? въ свою очередь, отнесся къ нему съ вопросомъ Переверзинъ, пріостанавливаясь около него.

— Какъ такъ умирать, Господи помилуй! вскричалъ озадаченный старикъ.

— А такъ, вотъ если-бъ меня спросилъ объ этомъ вонъ хоть онъ (Переверзинъ указалъ на одного молодого парня въ толпѣ), такъ отвѣтилъ-бы я ему пословицей: много будешь знать—скоро состарѣешься, а тебѣ говорю: много будешь знать—скоро умрешь. Понялъ?

Въ толпѣ, облѣпившей ихъ со всѣхъ сторонъ, раздался дружный хохотъ.

— Отрѣзалъ!.. Не суйся въ воду, не спросясь броду. Туда-же съ пасконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ! Ха, ха, ха! трунила молодежь надъ озадаченнымъ старикомъ.

Пока дворникъ отпиралъ калитку, къ ожидавшему выхода Переверзину смѣло подошелъ разухабистый молодой фабричный, хотя остриженный въ скобку, но одѣтый въ сюртукъ.

— Развяжите хоша вы насъ, Павелъ Абрамовичъ: работать мы не работаемъ, съ бѣлаго утра здѣсь слоны продаемъ, а распускать не распускаютъ; какое такое рѣшенье намъ будетъ? спросилъ онъ бойко, выставя впередъ правую ногу и подпершись лѣвой рукой въ бокъ.

— А вотъ какое рѣшенье, взявшись за скобу калитки и отворивъ ее, проговорилъ со смѣхомъ адвокатъ,—пріѣдетъ хозяинъ—драть васъ всѣхъ поголовно будутъ, готовьте спины! — Съ послѣднимъ словомъ онъ юркнулъ въ калитку, вскочилъ бойко въ сани и улетѣлъ на своемъ тысячномъ рысакѣ.

— Ха, ха, ха! гудѣла толпа фабричныхъ.—Нѣтъ ужь это надо погодить, отставить!.. Собака на слова, а душа человѣкъ!.. Балагуръ; одно слово: аблакатъ! Умственный человѣкъ! Защитникъ! носились отрывочныя фразы.

— Да вотъ каковъ онъ есть человѣкъ, братцы вы мои, обратился къ толпѣ тотъ-же разухабистый парень:—помните Ваську Зелень, что на фабрикѣ у *Кота*-то, у Кудесникова работалъ?

— Какъ Ваську Зелень не помнить—первый запѣвало. Душа-парень; насчетъ любовныхъ дѣловъ—ходокъ. Одно слово—уксусъ. Помнимъ! раздалось въ отвѣтъ.

— Какъ этого Ваську Павелъ Абрамычъ у мирового защитилъ, даже до слезъ... Стра-а-сть! Кудесниковъ насчетъ разсчету извѣстный: ужь какъ не какъ, хоть пятокъ да отъ нашего брата зажилитъ. Вотъ Васька пришелъ жалованье получать. Слѣдовало-бы ему это по разсчету-то тринадцать съ полтиной, а *Котъ* ему подаетъ краснюху да полтину мѣди. Васька говоритъ: какъ-же молъ, такъ, а три-то серебра мои гдѣ-же? Вычетъ, говоритъ, за прогулъ. Ну, парень разгорѣлся, само собой—не пропадать-же своимъ кровнымъ деньгамъ, потому прогулу за нимъ никакого не значилось... ну и разгорѣлся да и говоритъ: это, говоритъ, денной грабежъ, разбой! *Котъ*-то какъ его вдаритъ въ самую правую щеку; Васька щеку-то зажалъ, обернулся къ двумъ фабричнымъ,—тоже за разсчетомъ пришли:—смотрите, говоритъ, почтенные!—только и сказалъ, да и ударился изъ конторы прямо къ Павлу Абрамычу. Тотъ все ему дѣло и объорудовалъ отличнымъ манеромъ! свидѣтелевъ допросилъ, все, какъ слѣдоваитъ, въ лучшемъ видѣ. Далъ Васькѣ изъ своихъ денегъ четвертную: живи, говоритъ, не тужи и ни въ жись не мирись; потомъ Сила Львовичъ обмозгомамши это дѣло, струсилъ и къ Васькѣ засылать сталъ, чтобъ идти на мировую и опять на его фабрику шелъ работать, хоша онъ и прогналъ его. Мировые въ тѣ поры были вновѣ; мы съ Никиткой Ковшемъ изъ-за любопытства и пошли на судъ, хоша отъ всѣхъ хозяевъ, по всѣмъ фабрикамъ, приказанье строгое было, чтобъ на этотъ судъ ни одного фабричнаго и духомъ не было. Ну ужь, братцы, и комедь-же была, что твой театръ. *Котъ* тоже аблаката взялъ, самъ-то на судъ не пошелъ: Перфилкина, изъ землемѣровъ отставныхъ,—знаете, чай?

— Какъ не знать, пропойца. По праздникамъ по базару въ

офицерской фуражкѣ гуляетъ да у торговокъ яблоки воруетъ. Шушера... Жуликъ московскій! откликнулись изъ толпы.

— Во-во, онъ самый! продолжалъ разсказчикъ.—Вотъ хорошо, и начали они другъ передъ дружкой защищаться. Перфилкинъ что ни скажетъ — словно въ лужу, а Павелъ Абрамычъ слово сказалъ—ножемъ отрѣзалъ, бритва, а не языкъ! А опосля какъ въ задоръ взошли, и началъ садить и началъ садить. Коло часу, видно, говорилъ, инда мы въ тѣснотѣ-то взопрѣли. И ужь отчестилъ-же онъ *Кота*. Одначе ему судья замѣтку сдѣлалъ, чтобъ онъ малепечко полегше. И такъ это расписалъ жалостно все, что публика-то какъ въ театрѣ въ ладоши забила. Судья сичасъ въ колоколецъ этакій махонькій позвонилъ и говоритъ: здѣсь, чу, этого дѣлать нельзя, потому судъ правый, а не театръ. Сичасъ всѣ замолчали. Почиталъ судья опосля всего въ книжку и говоритъ: штрахфую, говоритъ, самаго этого Кота на пять дней подъ арестъ и долженъ онъ, Кудесниковъ, выдать деньгами...

— *Самъ* ѣдетъ, *самъ* ѣдетъ! зычнымъ крикомъ прерываютъ разсказъ фабричнаго дворники и кидаются поспѣшно отворять ворота. Въ одну минуту этотъ крикъ облетѣлъ весь огромный дворъ и толпа фабричныхъ, словно обезумѣвшая, разсыпалась въ разныя стороны и исчезла въ безчисленныхъ дверяхъ фабричныхъ корпусовъ.

Въ то время, когда на дворѣ шли жаркіе дебаты между фабричными о причинахъ пріостановки работъ на фабрикѣ Лекарева, Карлъ Карловичъ Шютцъ, одѣтый въ свой обычный черный сюртукъ и бархатный гранатный жилетъ, тревожно ходилъ изъ угла въ уголъ по своей besuchzimmer, убранной согласно требованіямъ нѣмецкой брюзгливости, чистоты, аккуратности и скупости. Дюжины полторы старомодныхъ красного дерева креселъ, подъ бѣлыми чехлами, симетрично тянулись вокругъ стѣнъ, оклеенныхъ розоватыми дешевыми обоями; передъ диваномъ, на небольшомъ войлочномъ коврѣ стоялъ овальный массивный столъ, покрытый бѣлой филейной вязаной скатертью; на немъ красовалась керосиновая лампа на цинковомъ постаментѣ, изображающемъ аркадскаго пастушка съ свирѣлью въ рукахъ; въ двухъ простѣнкахъ, подъ небольшими, въ грубыхъ рамахъ зеркалами, на ломберныхъ столахъ, покрытыхъ тоже филейными скатертями, торчали въ шандалахъ аплике по парѣ пальмовыхъ необожжен-

ныхъ свѣчъ; по четыремъ угламъ стояли плевальницы съ чистымъ пескомъ, акуратно примятымъ и уложеннымъ въ формѣ затѣйливой звѣзды; надъ оконными рамами со спущенными бѣлыми сторами, висѣли три клѣтки съ канарейками; три хромолитографическихъ лубочныхъ портрета Вильгельма, Бисмарка и Мольтке, въ плоскихъ золотыхъ рамкахъ, за стекломъ, надъ диваномъ, довершали убранство комнаты. Дымя копеечной сигарой, Шютцъ весь былъ поглощенъ какимъ-то разсчетомъ, который онъ производилъ въ умѣ молча, изрѣдка, вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ, пропуская сквозь зубы односложныя восклицанія, въ родѣ: ja wohl!.. gut! nur frisch!.. So-o! Онъ нѣсколько разъ на ходу засматривалъ чрезъ опущенныя сторы на фабричный дворъ и послѣ каждаго раза на плоскомъ лицѣ его выражалась тревога нетерпѣливаго ожиданія; наконецъ, онъ опустился въ кресло, около окна, вынулъ изъ бокового кармана сюртука листъ форменно сложенной гербовой, четко исписанной бумаги, осторожно развернулъ его и съ хитрой улыбкой самодовольства принялся за чтеніе. Не прошло и пяти минутъ, какъ на дворѣ послышался стукъ подъѣзжающей кареты; Карлъ Карловичъ торопливо спряталъ въ карманъ бумагу, быстро отдернулъ стору, взглянулъ въ окно, поспѣшно отскочилъ отъ него и бросился къ дверямъ въ переднюю.

— Марьи! вскричалъ онъ, просовываясь головой въ дверь,— пріѣхалъ Кузьма Терентъ... скажить, что я на свой кабинетъ работайть... Просить его ходить на гостина, я будить скоро выходить... Слыхалъ?

— Слушаю, Карло Карлычъ! отвѣтила горничная.

Шютцъ затворилъ за собой дверь въ переднюю, важно поправилъ свои длинные воротнички и шаромъ прокатился въ кабинетъ, хлопнувши дверью и заперши ее на ключъ.

— Пожалуйте, батюшка Кузьма Терентьичъ, въ гостиную, раздался вслѣдъ за этимъ голосъ горничной, — Карло Карлычъ въ кабинетѣ, сейчасъ выйдутъ.

— Вотъ еще новости какія!.. Скажи, чтобъ сейчасъ все бросилъ и шелъ сюда! повелительнымъ голосомъ приказалъ Лекаревъ и вступилъ въ гостиную.

На распухшемъ отъ кутежа, рябомъ лицѣ Кузьмы Терентьевича ясно отпечатывалось то гнѣвное волненіе, въ которомъ онъ на-

ходился; его обычная неопредѣленная улыбка-гримаса выражалась въ нетерпѣливомъ подергиваніи губъ въ одну сторону, а вѣчно прищуренные глаза учащенно мигали. Бросивъ на первое попавшееся кресло шапку, онъ машинально подошелъ къ окну, съ шумомъ поднялъ стору и, постукивая пальцемъ по стеклу, тупо смотрѣлъ на фабричный дворъ, на который вновь повысыпали фабричные. Лекаревъ ничего не видѣлъ передъ собою; его грубо-тщеславная натуришка была оскорблена стойкостью характера нѣмца и тѣмъ полнымъ неуваженіемъ, какое оказалъ ему служащій. Какъ, думалъ онъ, мнѣ, городскому главѣ, мануфактуръ совѣтнику, кавалеру, милліонеру, руку котораго съ уваженіемъ пожимаютъ сановники, какой-нибудь колбасникъ осмѣлился черезъ моего-же служащаго сказать, что онъ ко мнѣ не пойдетъ, плюетъ на мое приказаніе немедленно явиться, кидаетъ у меня службу и знать меня не хочетъ! За это раздавить, уничтожить мало, гадину! Эту думу парализировала другая мысль: раздавить — раздавлю, а гдѣ возьму другого такого колориста? А чуть не милліонные барыши отъ его секрета? Надо помириться, кинуть за глупую шутку Полосатина пять-шесть радужныхъ — и конецъ. А хотѣлось-бы проучить, каналью! Щелкнувшій замокъ въ кабинетной двери прервалъ нить мыслей Кузьмы Терентьевича; изъ дверей, важно заложивъ одну руку за жилетъ, выходилъ Шютцъ.

— Карлушка, ты съ ума спятилъ!.. рѣзко и громко началъ-было Лекаревъ.

— Halt ein!.. побагровѣвши и такъ-же громко перебилъ его директоръ; — я ума не пятили... Я никакой есть Карлюшка!.. Ich bin нарожденникъ прусски и русски подданы Карлъ Карловичъ Шютцъ. Я не позволяй ви!.. Я больше ни директа и завтра кидай вашъ фабрикъ и этотъ квартиръ... Was geht's mich an!.. Вы не смѣить!..

— Послушайте, Карлъ Карлычъ, до крови закусивъ отъ злобы губы, тихимъ, мягкимъ голосомъ началъ Лекаревъ, — вы могли отказаться отъ службы во всякое время: у насъ контракта нѣтъ, но зачѣмъ-же оскорблять меня, присылать съ Васей сказать, что вы ко мнѣ не пойдете, знать меня не хотите, плюете на службу? Чѣмъ я заслужилъ все это? Если у меня въ домѣ васъ оскорбилъ пьяный человѣкъ, то вѣдь я не могу отвѣчать за всѣхъ моихъ гостей.

— Das lass ich gelten!.. Зачѣмъ ви смѣялъ самъ... Я кричалъ zu Hilfe!.. помогайть!.. ви смѣялъ.

— Но что-же я могъ съ Полосатиннымъ сдѣлать одинъ, согласитесь?

— Warum nicht gar!.. Ви сказалъ одно слово—и все кончайть... Нѣтъ, ви самъ смѣяли, мене дуракъ дѣлалъ...

— Нисколько... Вы знаете, что я всегда васъ уважалъ глубоко, и теперь пріѣхалъ, чтобъ объясниться по этому поводу.

— Ich bitte! сухо прервалъ нѣмецъ, указывая рукой Лекареву одно кресло, а самъ важно опускаясь въ другое.—Что ви хотить объясняйть?

— Карлъ Карловичъ, вы меня, слава-богу, знаете десять, пятнадцать лѣтъ: я человѣкъ прямой, откровенный. Вы мнѣ нужны, дороги для моей фабрики! оставимъ все это дѣло, помиримся... заискивающимъ голосомъ и протягивая руку проговорилъ Лекаревъ.

— Potztausend!.. не подавая руки, вскричалъ Шютцъ.—Какъ мирили?.. Ви меня такъ оскорблялъ... и я такъ мирили? Pfui doch! da sei Gott vor!

— Я передъ вами извиняюсь, Карлъ Карлычъ, и чтобъ позабыть окончательно эту грустную исторію и остаться по-прежнему друзьями, прошу васъ, примите вотъ этотъ пакетъ.

Кузьма Терентьевичъ вынулъ изъ бокового кармана запечатанный пакетъ и подалъ директору.

— Aber was ist das? не принимая конверта спросилъ Шютцъ.

— Это пятьсотъ рублей... подарокъ отъ меня на булавки вашимъ дочерямъ. Возьмите, Карлъ Карловичъ... забудемъ прошлое и будемъ...

— Ха, ха, ха, разразился язвительно нѣмецъ.—Пятьсотъ рублей! Вы думать, такъ мене оскорбляить, рвать мене сюртукъ, дѣлаить нѣмецки хвостъ. Ха, ха, ха! хотить за пятьсотъ рублей я прощалъ, забивалъ обидъ? Schon gut!.. Warum nicht gar!.. Моя честь покупайть! ха, ха, ха!

— Это просто любезность съ моей стороны. Я чести вашей не покупаю, я просто хочу помириться съ вами, чтобъ вы остались директоромъ, начиная терять терпѣніе, дрожащимъ отъ злобы неестественно мягкимъ голосомъ произнесъ Лекаревъ.

— Да, ви хотить это? Я буду мирилъ и опять директа будить? Petz? правда!

— Неужели вы сомнѣваетесь въ этомъ: для чего-же я пріѣхалъ, для чего извиняюсь передъ вами? Честное слово, что...

— О, gut! Я вамъ вѣрить; я готовъ мирить, в тъ вамъ мой условій, торжественно перебивая Лекарева и подавая ему вынутую изъ кармана гербовую бумагу, кончилъ разговоръ свой Карлъ Карловичъ.

— Что это, контрактъ? спросилъ тотъ, изумленно взглянувъ на раскрытую бумагу.

— Читайть! съ язвительною улыбкой и потирая свои жирныя руки, небрежно отвѣтилъ нѣмецъ.

— Какъ! что-о?! не вѣря глазамъ своимъ, окончательно изумленный вскричалъ Кузьма Терентьичъ. — Контрактъ на десять лѣтъ! жалованья по десяти тысячъ каждогодно, съ правомъ бросить меня во всякое время, когда вамъ вздумается, и съ неустойкой въ тридцать тысячъ, если-бъ я захотѣлъ вамъ отказать, а?!

— Такъ есть... ви читалъ! ünfehlbar!.. Вѣрно! хладнокровно отозвался Шютцъ, покойно опуская въ карманы панталонъ свои коротенькія руки.—Сейчасъ ѣдемъ на нотаріусъ и я вашъ покорна директоръ! весело прибавилъ онъ.

— Да вѣдь это въ десять лѣтъ составитъ сорокъ тысячъ разницы! могъ только проговорить Лекаревъ, задыхаясь отъ злобы.

— Такъ есть! За то ви будить знать, какъ дорого есть нѣмецки хвостъ, ха-ха-ха! острилъ директоръ.

Лекаревъ молча и не двигаясь сидѣлъ на креслѣ; по всему лицу его пробѣгала нервная судорога; онъ какъ-то не человѣчески хрипѣлъ, крѣпко сжавши зубы.

— Вы не хотить? равнодушнымъ тономъ спросилъ его, послѣ довольно продолжительной паузы, Шютцъ.—Принимайть отъ меня всѣ книгъ и фабрикъ, и квартиръ: я завтра ѣхаль на другой фабрикъ, къ Подъёхинъ.

— Ѣдемъ, сію минутъ ѣдемъ! порывисто вскакивая съ кресла, какимъ-то сиповатымъ голосомъ прохрипѣлъ Лекаревъ.—Я согласенъ, только скажи ты мнѣ: это Переверзинъ сочинялъ контрактъ?

Нѣмецъ съ сіяющимъ лицомъ таинственнымъ кивкомъ головы подтвердилъ вопросъ фабриканта.

— А, ладно! Ѣдемъ! Скорѣй, скорѣй! Мнѣ душно здѣсь! кидаясь къ выходнымъ дверямъ, говорилъ онъ.—Раздавлю, уничтожу! съ грязью сотру! Брехачи продажные! Треклятое племя! тяжело дыша, бурчалъ Кузьма Терентьевичъ, садясь въ карету съ Карломъ Карловичемъ.

Не прошло и получаса, какъ фабрикантъ и директоръ, по подписаніи контракта у нотаріуса, возвращались на фабрику вмѣстѣ, въ одной каретѣ. Лекаревъ былъ мраченъ и золъ, не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ Шютца и до крови искусалъ себѣ губы; напротивъ, Карлъ Карловичъ сіялъ отъ восторга и, видя, что патронъ упорно молчитъ, затянулъ своимъ далеко не мелодическимъ голосомъ сантиментальный романсъ:

O, wie wohl ist mir am Abend.
Wenn die Glocke zü Ruhe läutet...

Карета остановилась у подъѣзда квартиры Шютца; онъ вылѣзъ изъ нея и, держась рукой за отворенную каретную дверцу, обратился не безъ ироніи въ голосѣ къ своему патрону:

— Ви хотить, можетъ, на мировой у менѣ рюмка шнапсъ выпивайть?

Лекаревъ молчалъ.

— Ну, такъ скажить вашъ Полосатый и другихъ людей, что ви видаль нѣмецки хвостъ, что его стоитъ сорокъ тысячъ рубли сребромъ, ха-ха-ха!

— Пошелъ! громко крикнулъ, высовываясь изъ каретнаго окна, Лекаревъ и снова бухнулся на эластическія подушки кареты.

— Ха-ха-ха! закатывался смѣхомъ Шютцъ, держась за бока и наблюдая съ своего высокаго крыльца отъѣзжающій экипажъ.— Hurrach! прокричалъ онъ, когда карета съѣхала со двора. — Gottlob! Ви, будить знайть нѣмецки хвостъ!—И, обратясь къ массѣ фабричныхъ, моментально наполнившихъ дворъ, повелительно закричалъ: — я сейчасъ буду ходить въ химически отдѣленіе... ви маршъ на работъ! Vorwärts! маршъ на работъ! и скрылся въ дверяхъ квартиры.

Старики съ недоумѣніемъ взглянули ему въ слѣдъ, почесали затылки и нехотя поплелись въ глубину двора. Молодежь дружно гаркнула модную пѣсню:

Не сама машина ходитъ —
Паровикъ машину возитъ;

Она ходитъ и свиститъ,
За собой много тащитъ:
Всѣ шестнадцать-то вагоновъ
Лупитъ прямо безъ прогоновъ.
Дровъ, воды ѣстъ, пьетъ по многу,
Да и стонетъ всю дорогу.
Отдай денежки на мѣстѣ—
Очутишься верстъ за двѣсти:
Часа много черезъ три
Очутишься у Твери;
Повалившись на бочекъ,
Проспишь городъ Волочекъ.
Въ Бологоемъ призакусишь,
Ни о чемъ себѣ не тужишь.
Утромъ только глаза вытеръ
Прямо въѣхалъ въ городъ Питеръ:
Распрекрасная столица
Славный городъ Петербургъ!

Николай Потѣхинъ.

„Букинистъ"
В. И. Клочковъ
Литейный пр. 5
С. Петербургъ

LIBRARY OF CONGRESS
00025259191